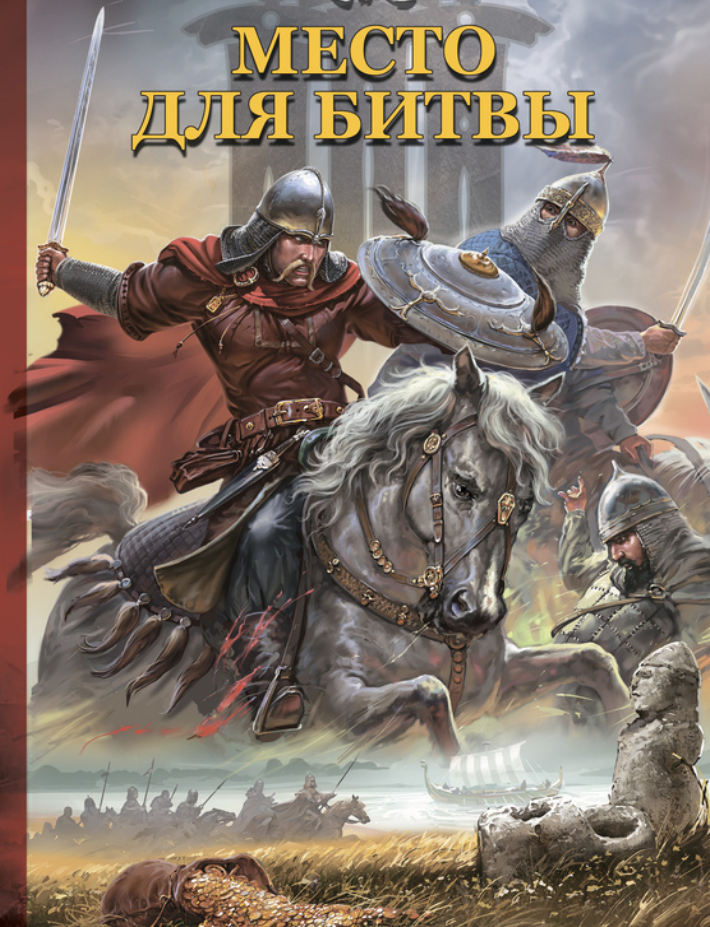

АЛЕКСАНДР МАЗИН

МЕСТО
ДЛЯ БИТВЫ

Александр Владимирович Мазин

Место для битвы

Серия «Варяг», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119604

Аннотация

" Место для битвы " – вторая книга древнерусского цикла Александра Мазина.

Последний год княжения великого князя Игоря. Сергей Духарев – командир летучего отряда варягов-разведчиков в Диком Поле. Хозары, печенеги, ромеи – все хотят сделать эти ковыльные степи своими. Одни – чтобы разбойничать, другие – чтобы торговать, третьи... Третьим, ромеям, все равно, кто будет владеть Степью. Лишь бы этот «кто-то» не угрожал Византии. Поэтому ромеи платят золотом, чтобы стравить русов и печенегов, венгров и хозар. Это выгодно кесарям, ведь это золото все равно вернется в Византию... если не потеряется по дороге.

Воин не выбирает: сражаться ему или нет. Он будет биться, потому что война – это его жизнь, его предназначение.

Но место для битвы настоящий воин выбирает сам.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая,	18
Глава третья,	31
Глава четвертая	37
Глава пятая	50
Глава шестая	59
Глава седьмая	67
Глава восьмая	76
Глава девятая	85
Глава десятая	91
Глава одиннадцатая,	99
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Александр Мазин

Место для битвы

Глава первая

Удачное утро для варяжской охоты

Высокая трава раздвинулась, и на полянку проскользнул Понятко, разведчик-следопыт из Серегина десятка.

Половая лошадка разведчика тут же встрепенулась и сделала попытку подняться на ноги.

Кто-то из воинов успел схватить ее за ноздри и прижать к земле. Ковыль был достаточно высок, чтобы скрыть не только лошадь, но даже и всадника, если тот пригнетса к холке. Но слух у степняков острый. Лучше не рисковать.

– Три больших десятка, двое дозорных, остальные спят, – шепотом доложил разведчик. – Собачек нет.

И поглядел на своего десятника: доволен ли?

Серегин одобрительно кивнул, и Понятко расплылся в улыбке.

Классный парень. Умница. И следы распутывать мастер, а как часовых снимает! Не захрипит, не булькнет. Залюбуешься!

Значит, три больших десятка... Серегин почесал взопрев-

шую под доспехом грудь. Большой десяток, это обычно человек двенадцать-пятнадцать. Итого сабель сорок, не меньше. А варягов – двадцать три. Вполовину меньше. Но для рукопашной – более чем достаточно. Парни у Сереги – один к одному. Молодцы. Варяги, одним словом. Против сорока степнячьих сабель – и десятка добрых варяжских мечей хватит. Но... Есть одно «но». И «но» это заключается в том, что помимо сабель у степняков обычно имеются луки. И луками степняки пользуются не хуже варягов, а, как это ни печально, лучше. И если степняки успеют взяться за эти самые луки, тогда будет худо.

Духарев поглядел на Устаха. Лучший Серегин друг и второй десятник в отряде был обуреваем теми же мыслями.

– Кто они, печенег? – спросил Духарев. Он был почти уверен, что услышит – «да». Но Понятко мотнул головой:

– Хузары. Дикие.

И поглядел на «своих» хузар, Машега с Рагухом: как отреагируют?

Лицо у Машега стало, как у девушки, откусившей яблоко и неожиданно обнаружившей переполовиненного червяка.

Понятко тихонько засмеялся. На него цыкнули. Духарев знал, что для большинства его варягов что «черный хузарин», что печенег – без разницы. Одно слово – степняки. Те, что, налетев, бьют, грабят, уводят в полон мирный люд... А потому и их самих бить да грабить – милое дело. Если силушки хватит. Но для тех, у кого соображения побольше, а

уж тем более для кровных хузар – разница была ощутимая. А для последних – еще и обидная.

Сергея Духарев из чужих рассказов да из собственного опыта составил для себя примерную картину местной геополитики и понимал ситуацию так.

После того как печенежские орды подмяли под себя изрядный кусок хузарского хаканата, очень многие из бывших данников нынешнего хакана Йосыпа и даже его собственные подданные из черных хузар-язычников примкнули к победителям, увеличив и без того многочисленные печенежские полчища. Наиболее отморозенные сколачивали собственные шайки и, на собственный риск или заручившись поддержкой того или иного большого хана, нагло безобразничали на торговых путях.

Таких разбойничьих шаек численностью до полусотни стрелков каждая в степях Приднепровья было что блох на бродячей собаке. Иногда шайки объединялись, иногда резали друг друга. Они роились около трактов и волоков, как мухи у навозных куч. Раньше, когда Итильский хаканат был в настоящей силе, такого не было. Но хакановы хузары в этих краях уже вчистую проиграли печенегам, и теперь главной силой, способной противостоять степнякам, стала княжья русь: варяги, славянские вои, служивые нурманы, свеи и прочие. Им же теперь приходилось оберегать торговые пути к ромеям, чтобы кочевые полчища не отрезали их от тех же ромеев, как это уже случилось с Хузарским хаканатом.

Воевать с печенегами было трудно. Степные орды находились в постоянном движении. Погрузят имущество на повозки да коней – и ищи их по всей степи. За несколько дней печенежское кочевье, с женщинами, детьми, стариками, и то уходило на сотню километров. А уж воинам-степнякам отмахать за день километров шестьдесят – сущие пустяки.

Отчасти поэтому нынешний киевский князь даже и не пытался потеснить степняков. Насколько было известно Духареvu, Игорь лишь единожды, да и то лет двадцать назад, ходил против печенегов. Пытался наказать хана, пограбившего киевские земли. Толку от этого вышло – ноль. С тех пор Игорь решил, что со степняками проще дружить. И дружил. Например, недавно ходил с ними на ромеев. Ромеи откупились от Игоря, а Игорь, соответственно, – от союзников. После чего русь отправилась домой, а печенеги – грабить болгар.

С большими ордами и впрямь лучше было не связываться, но прижать всякую мелочь – не так уж трудно. Однако это, как оказалось, не совсем совпадало с интересами самого киевского князя, который предпочитал получать с купцов за право присоединиться к княжьему каравану.

Впрочем, не все рассуждали, как Игорь. Иного мнения придерживался, к примеру, княжий (формально, а по сути – свой собственный) воевода Свенельд. А еще – полоцкий князь Роговолт, которому не улыбалось торговать под жадной рукой киевского князя. И в этом Роговолта поддержива-

ли даже упрямые новгородцы. Не только словами.

Поэтому вот уже второй год топтали степные травы небольшие летучие отряды славян – выискивали степных разбойников. Малых числом – били. На банды посильней наводили Свенельдову дружину. Если же наталкивались на большую орду, держались подальше. Такая вольная охота на степняков считалась делом опасным. Славянам, особенно тем, что с севера, воевать в степи еще надо было научиться, а для кочевников Дикое Поле – родной дом. Поди сыщи их раньше, чем тебя самого отыщет печенежская стрела, которая за пятьдесят шагов навывлет щит пробивает. В общем, опасное дело. Но прибыльное. Иной раз не только пояса, но даже и седельные сумы разбойников были набиты серебром.

Устах и Серега командовали одним из таких вольных отрядов. Ватажка их считалась варяжской, хотя из прирожденных варягов в ней был один Устах. Остальные – сборная солянка. Поляне, кривичи, прусс, свей. Особняком – Рагух и Машег. Двое хузар, оваряженных Свенельдом, – «подарок» киевского воеводы перспективному десятнику Серегею: очень не хотелось воеводе, чтобы Духарев стал кормом стервятников. Двое хузар благородной крови, воинов в ... надцатом поколении, знавших все тонкости и хитрости степной войны, – это неоценимый дар.

Вообще-то вначале хузар было четверо. Еще двоих Свенельд отдал в десяток Устаху. Но эти были попроще, и судьба им не улыбалась. Одного в первой же стычке посекали «чер-

ные» угры, второму печенежья стрела разбила локоть, и его с купеческой ладьей отправили в Киев.

Собранный с бору по сосенке, отряд тем не менее получился крепкий. Правда, частые жестокие стычки с Дикой степью изрядно проредили храбрую ватажку. Храбрую-то храбрую, но вот насчет побудительных мотивов своего разномастного воинства Духарев не обольщался. Парни лезли в драку не за идею, отечество или поруганную честь родичей (хотя были, конечно, и такие), а исключительно ради того самого серебришка, что побрякивало в разбойничьих кошельках. Но старших младшие уважали крепко, и на этом уважении держалось единство воинской ватаги. На этом да еще на понимании варяжского славного братства. Не то перегрызлась бы разноплеменная компания на счет «раз».

– Дикие хузары... – Устах поглядел на Машега, тот брезгливо скривил рот. Варяжские усы его были не усами, а насмешкой. По три волосины. Но лицом не смугл, а светел, ничуть не похож на большинство плосколицых кочевников, которых княжья русь пренебрежительно называла копчеными. Это потому что сам Машег был из «белых» хузар, поклонявшихся Единому. Из воинской элиты. А элита эта, ясное дело, в постель предпочитала класть не уродливых простолюдинок, а писаных красавиц. Обычно заморских. Потому стриженные под горшок волосы хузарина были светлыми, а глаза – синими. И этими синими глазами Машег взирал на

хузар низших, «черных», язычников с презрительным высокомерием. Как волк – на деревенских собак. Иудейская вера, впрочем, не мешала Машегу вкладывать время от времени золото в черный языческий Перунов рот. Вера – верой, а обычай – обычаем. Тем более если обычай – варяжский.

– Откуда они пришли? – спросил Духарев.

– Вроде с волока, – не очень уверенно ответил Понятко. – Я далеко не бегал, точно не скажу, но точно, что от Днепра.

Воины оживились. Если разбойник от реки скачет, значит, или спугнул кто, или – с добычей.

– Бьем? – Тусклые обычно глаза древлянина Шуйки заблестели от жадности.

Духарев с Устахом переглянулись: в общем все было ясно.

– Бьем, – сказал Духарев. – Какие могут быть вопросы? Только на этот раз мы – зачинщиками! – ревниво добавил он.

– Да ладно уж! – Устах ухмыльнулся. – Только Понятку мне дай. И Машега.

– Машег, ты как? – для порядка спросил Духарев.

Он знал, что хузары предпочитали держаться вместе, но понимал, что во второй группе тоже должен быть мастер-стрелок.

– Пойду, – отозвался Машег. – Если Понятко меня петть заставлять не будет.

Они с Поняткой были приятели, а шутка была старая, потому никто не засмеялся.

– Клёст, Свей с лошадьми, – распорядился Устах. –

Остальные проверьтесь: чтоб не звякать там, не кашлять и не пердеть.

Через несколько минут вторая группа гуськом втянулась в густую траву, чьи стебли в сумраке казались совсем черными.

Духарев выждал положенное время и, сделав знак своим, тоже нырнул в траву, в щель, оставленную возвращавшимся разведчиком. За Серегой бесшумно проскользнул Рагух, за хузарином – лучший из Серегинаго десятка, Гололоб. За Гололобом – семеро оставшихся. План ночной атаки был просчитан до мелочей и не раз опробован в деле.

Сергей скользил, пригибаясь, между высоких стеблей. Он двигался почти бесшумно, аккуратно раздвигая траву. Серые утренние сумерки – хорошее время. Его, Серегина, время.

Когда ветерок донес кислый запах разбойничьей стоянки, Духарев подал знак: «Стой!» – и сам замер. Медленно потянул носом («взял», как сказал бы Рёрах) воздух. Потом еще раз.

Пахло травой, людьми, лошадьми, мясной похлебкой, должно быть, старой, потому что дымом не пахло: степняки огня не разводили. А ведь здесь, в низине, трава еще не потеряла влагу, и пожара можно было не опасаться. Это позже, когда солнце основательно высушит степь, случайной искры будет достаточно, чтобы понеслась по Дикой Степи огненная волна.

Духарев однажды видел такой пожар и помнил, как они обходили раскинувшееся на сотни стрелищ¹ серое пепелище, которому лежать мертвым до первого дождя. А дождь этот, может статься, выпадет аж через месяц. Всему живому в огне – смерть, а под хороший ветер пал мчит вдвое быстрее лошади. И даже если поднявшийся от твоей искры огонь и обойдет тебя стороной, богини степей не простят жестокости. Найдут как отомстить.

Не то чтобы варяг Серегей (не говоря уже о христианине из Питера Духареве) боялся степных божков. Но «дедушка» Рёрах, который городского неуклюжего кобеля Серегу оборотил в стремительного и смертельно опасного волчару, дразнить языческих божков не советовал. Тем более на их территории.

Однако, кроме опасности пожара, была еще одна существенная причина не разводить костров. Запах дыма. Те, кто не желал афишировать свое присутствие в степных просторах, вынуждены были обходиться без огня. И разбойники, и охотники в степи попусту костров старались не жечь, а если жечь, то непременно со всеми предосторожностями.

Значит, костра степняки не жгли. Тихарились. Ну и ладно. Приложив ладони раковинами к ушам и медленно поворачивая голову, Сергей прислушался. Человеческого дыхания он не услышал, зато услышал лошадей, пасшихся вокруг лагеря. Степняки, по обыкновению, отпустили их подкормить-

¹ Стрелище – расстояние прицельного выстрела из лука, обычно – 200 м.

ся. Но между варягами и лагерем не было ни одной, иначе пришлось бы обходить. Хузарские кони обучены не признавать чужих и поднимать тревогу.

Духарев выждал еще немного. Устаху, который будет оги-
бать лагерь по большой дуге, нужно время, чтобы занять бо-
евую позицию.

Прошло полчаса. В лагере степняков ничего не измени-
лось, только один раз визгливый голос спросонья забормо-
тал по-хузарски.

Сергей вопросительно поглядел на Рагуха, но тот мотнул
головой. Ничего важного.

Духарев ждал. Его десяток тоже ждал: кто – сидя на кор-
точках, кто – на земле. Ждать в неподвижности они могли
часами. Терпение воина превосходит даже терпение охотни-
ка.

Сергей очень хорошо знал каждого из своих парней. Знал,
кто и что может, знал, как к кому подойти, чтобы сделал
сверх возможного.

Любому духаревскому соотечественнику из того, прежне-
го мира эти парни показались бы стандартными, как игру-
шечные солдатики. Одинаковые шлемы, у кого – с прорезя-
ми для глаз, у кого – со стрелками-наносниками, одинако-
вые куртки с нашитыми бляшками, заправленные в сапожки
штаны из прочной ткани, с кожаными нашлепками на коле-
нях и в паху, мечи в ножнах – за спиной (подражание свое-
му десятнику), луки, ножи... Обычный прикид для степной

«охоты». Щиты и стальные доспехи имелись у всех, но остались на стоянке. Сейчас главное – легкость и быстрота.

Время вышло. Сергей поднял два пальца. С ним пойдут двое. Кто эти двое, знали все. То же было бы, если бы он показал три или четыре пальца.

Лагерь степняков – вытоптанное пятно шагов сто в поперечнике. На поляне в кажущемся беспорядке разбросаны упряжь, седельные сумы. Несколько больших мешков кучей свалены посередине. Хозяева всего этого барахла вповалку спят вокруг. Оружие под боком, но тетивы у всех, кроме часовых, спущены. Это хорошо.

Сторожей было двое, и их следовало обезвредить быстро и аккуратно. На этот случай у Сереги имелась своя персональная примочка. Ноу хау.

Серега осторожно развязал кожаный мешочек и извлек из него жирного живого слепня. Слепень злобно загудел, но это его не спасло. Крохотная деревянная игла с коричневым от яда жалом проткнула его насквозь. Жить слепню осталось чуть больше минуты. Этого достаточно. Та же печальная участь постигла и второго слепня.

Духарев отцепил от ножен ровную тростниковую трубку, из тех, что использовались славянами для «подводного плаванья». Серега, однако, несколько расширил сферу ее применения.

Духарев приложил полый тростник к губам, просунул между стеблями. Первый слепень отправился в последнее путешествие...

С той стороны изготовившиеся к бою Устаховы молодцы наверняка опознали хлопок. Но ни часовых, ни спящих этот незнакомый звук не встревожил. А вот звук спущенной тетивы или характерный удар попавшего в цель швыркового ножа поднял бы на ноги всех.

Часовой шлепнул себя по шее, поглядел на раздавленного слепня, отбросил его брезгливо, потер «укушенное» место... «Жало» осталось в ранке.

До второго часового было подальше, метров двадцать, но Серега и на этот раз не промахнулся.

Яд начинал действовать через две-три минуты. Это был хороший яд, Духарев отдал за него чародейке, «служанке» Мокоши, полную гривну. Попадая в кровь, яд сначала вызывал сонливость, потом слабость, а затем смерть. Состояния сменяли друг друга так быстро, что отравленный не успевал заподозрить что-то неладное.

И тут, впервые, произошла осечка.

Часовой, ближний, неожиданно поднялся. Второй, повернувшись, поглядел на него, но первый махнул рукой: все нормально.

Возможно, у него просто затекли ноги. Проблема состояла в том, что сидящий со скрещенными ногами степняк, засыпая, так и остается сидеть. А вот тот, кто стоит на ногах...

Второй вырубился раньше. Серега увидел, как он клюнул носом...

И тут колени у первого подогнулись...

Гололоб, опередив своего десятника, метнулся вперед, бесшумно, подхватил падающее тело, бережно опустил на землю. Хузарин успел глянуть на варяга мутнеющими глазами, но подать голос уже не мог.

Все остальное заняло не больше минуты. Варяги ворвались в лагерь, как степные волки – в овечий загон. Брызги крови и ошметки плоти, вопли, визг, рев...

Духарев прыгнул сразу в середину лагеря, к сложенным кучей мешкам, хлестнул веером сразу на три стороны, перебросил меч в левую руку, достал четвертого. Пятый успел откатиться, ухватился за лук... Топорик Гололоба проломил облепленный сальными волосами затылок. Кто-то из степняков свистнул с переливом, зовя коня. Перекрывая свист, над степью задрожал тоскливый злобный волчий вой. И тут же завыли, вперелив, по-волчьи, все варяги. От этого страшного звука шарахнулись прочь непугливые хузарские кони, а на их хозяев, тех, что успели схватиться за оружие, навалилась внезапная немощь, и что-то ослабло внутри. Лишь немногим удалось преодолеть отнимающий силы звук. Наконец зазвенела сталь. Но не степнякам тягаться с варягами в искусстве клинковой игры, тем более – на твердой земле. В одном месте, правда, нескольким хузарам удалось сбиться в кучу, ошметиниться пиками. Такой пикой степной всадник на скаку

подхватывает брошенное в траву кольцо. Но пешими хузары не продержались и минуты. Устах и еще четверо варягов налетели с разных сторон, посекали и пики, и тех, кто их держал, и тех, кто под прикрытием уже нацеливал смертоносные луки... Быстро, очень быстро... Вот кто-то из степняков метнулся прочь, в спасительные травы... и полетел ничком, когда стрела Рагуха ударила ему под лопатку.

Машег и Рагух в сечу не лезли. Били на выбор, неторопливо, насмерть.

Минута, может, чуть больше – и всё закончилось. Для разбойников. Для варягов же, как выяснилось чуть позже, всё только началось.

Глава вторая, *в которой выясняется, что даже удача может оказаться чересчур большой*

Победители неторопливо осматривали тела, срезали и снимали все, что казалось ценным. Раненых добивали. В воздухе висела тяжелая вонь крови, боли, пота, выпущенных внутренностей. К воню Сергею уже давно принохался. Притерпелся, как к свербящей под доспехами коже. Ну чешется – и ладно. Главное, чтобы вши-блохи не завелись. Естественная брезгливость цивилизованного человека, конечно, не исчезает совсем, но привычка натягивается на нее сверху, как перчатки патологоанатома. Правда, были вещи, к которым Сергею было притерпеться трудно. Но одно дело – изнасилованные или брошенные в костер дети, и совсем другое – порубленные в схватке разбойнички. Одним словом, как говорили классики: труп врага пахнет очень даже приятно.

Подтянулись Свей и Клёст, пригнали коней.

Рагух и Машег сели на своих лошадок, пустились ловить разбойничьих. Поймают, конечно, не многих. Дюжины две. Но и эти пригодятся – трофеи везти.

Сергей мертвых не обдирает. Не командирское это дело.

Без него справятся. Обдирать – не убивать.

А все-таки ловко у них стало получаться! Сорок восемь разбойничков – наповал, а у Сереги в десятке только одного поцарапало, да и то легонько. Конечно, резать спящих – неспортивно. Но это только в рыцарских романчиках все чисто-благородно. А по жизни чистая работа как раз такая: чтобы вокруг в живописном беспорядке валялись чужие трупы, а твои друзья стояли вокруг на собственных ногах. Вот картина, от которой становится тепло на сердце у всякого вождя. А он, Серега Духарев, теперь, как ни крути, а вождь. Хоть под рукой у него не тысячи, а всего дюжина.

Короче, Духарев был собой стратегом вполне доволен. В открытой сшибке со степняками легла бы половина его парней. Это в лучшем случае.

О худшем даже и говорить не хочется. Это они, варяги, с побежденными обращаются по-доброму: ножом по горлу. Не смерть, а чистое милосердие. А к степнякам в руки живьем попадать не стоит. За неполных два года Духарев в здешних краях посмотрелся всякого. Иной раз на то, что остается от угодивших в плен к тем же копченым-печенегам, не стоит даже смотреть. Лучше уж – к нурманам, чем к этим. Вон красавец валяется – на шее два ожерелья. Одно – золотое, второе – из сушеных пальцев. Притом не мужских, а женских. Или детских. Обдиравший разбойника Щербина, полочанин из Устахова десятка, угрюмый, битый громила, и тот передернулся лицом, сплюнул, разрезал шнурок и поло-

жил страшное украшение на землю...

– Серегей! – За два года Устах так и не научился правильно выговаривать имя Духарева. – Поди сюда, глянь!

Серега подошел. Глянул. Ёш твою мать!

Устах стоял у развязанного кожного мешка. И был этот мешок доверху наполнен серебряными чашами. И не какими-нибудь, а дорогой ромейской работы, с чернью и чеканкой. Иные – даже с эмалью.

Духарев присвистнул. Повезло, однако! На один такой мешок боевую лодью построить можно. Да что там лодью – корабль морской, а то и два! Серега потянулся к другому узлу, поменьше, распутал шнурок... Ну вообще! Мешок, размером с баранью голову, был под завязку набит серебряными монетами: греческими, арабскими... Друзья переглянулись.

Третий мешок они вскрыли вместе. И он тоже оказался набит монетами. Только золотыми.

Они поглядели друг на друга. Губы Устаха растянула глуповатая улыбка, совершенно неуместная на суровом, обветренном лице синеусого варяга. Но Серега тут же поймал себя на том, что лыбится так же глупо. Как влюбленный шестиклассник, которого подружка неожиданно чмокнула в щечку.

– Ах ты мохнатая Волохова гузня! – пробормотал Устах. – Скажи мне, брат, это морок или вправду золото?

Духарев зачерпнул тяжеленькие монеты ладонью – как

пшеничное зерно, взял одну, прикусил...

– Высшей пробы!

Это было богатство. Огромное. Причем – для всех ватажников. Даже если в остальных мешках солома с глиной, что маловероятно.

«Черт! – подумал Духарев. – Что ж я с этим делать-то буду? Такие деньжищи!»

Очевидно, в голове Устаха роились такие же мысли. Но синеватый варяг был более практичен.

– Чусок! – окликнул Устах своего помощника.

Чусок, самый старый в ватажке – пятый десяток пошел, горбоносый, чернявый, как ромей, и такой же хитрый, подошел к десятнику.

– Глянь.

Воин глянул, глаза его блеснули алчно, мозолистая рука сама потянулась к рыжему металлу. Но Чусок тут же взял эмоции под контроль, ограничился одной монеткой.

– Ромейская, – хрипло проговорил он, вертя красноватый диск корявыми пальцами. – Романовой чеканки. Вишь, морда его! – Черный ноготь чиркнул по императорскому профилю. А это что? – Чусок взял одну из чаш, полюбовался узором. – Товар отборный! – И тут до его лицу пробежала тень. Чусок положил чашу обратно, поскреб щетинистый подбородок, повернулся, поглядел на посеченных степняков...

– Я вот чего думаю, – произнес он неторопливо, – больно мало их для... такого. Это ж какой товар! И деньжищи ка-

кие! Такое без доброго присмотра степью никакие купцы не повезут. Маловато этих было для такого дела...

– Какие купцы, Чусок? – фыркнул Устах.– Это ж дикие хузары!

Он еще не понимал. А Серега уже въехал, и нехороший холодок возник где-то у него внутри.

– Может, их больше было? – рассуждал Устах.– Может, за это дело побили многих?

– Может, и побили. Или они побили. А может...– Чусок подергал оттянувшую мочку, золотую серьгу с солнечным знаком.

Духарев тем временем нетерпеливо распутывал следующий мешок... Так, серебро! А этот, поменьше... Черт! Опять золото!

Радость от привалившей удачи растаяла, как мороженое во рту дикаря. Только вместо сладости остался совсем другой привкус...

Устах и Чусок наблюдали за Серегой с большим вниманием.

Так, еще серебро, и еще, а здесь – посуда драгоценная... Блин!

«А ведь это жопа,– подумал Серега.– Надо же, как вляпались!»

Нечто подобное, вероятно, испытал бы вокзальный ворюшка, ловко стыривший чемоданчик и вдруг обнаруживший, что тот доверху набит пакетиками с героином.

Духарев не мог себе представить, чтобы такое охраняла кучка задрипанных разбойников. При таком товаре естественно виделись закованные в сталь грозные шеренги всадников, сторожкие дозоры, опытные, доверенные сотники...

Очевидно, у Серегиных соратников перед глазами возникла сходная картинка.

– А может... – пробормотал Чусок.

– Что? – быстро спросил Устах, которому тоже открылась вторая, смертоносная сторона медальки.

– Может, тайно везли?

– Ромеи?

– А кто же еще?

Это могло быть правдой. Такое было вполне в обычаях Восточной Римской империи. Тайком подкинуть золотишко одному из возможных противников, чтобы тот не к имперским валам шел, а вцепился в загривок другому опасному для ромеев соседу.

– Думаешь, даром² кому? – спросил Устах.

– Угу. Даром. Или откупом.

– Похоже, что так, – согласился Устах. – Значит, от кого – мы догадываемся. А вот кому?

Кандидатов, учитывая сумму, было не так уж много. Печенеги. Вернее, кто-то из больших печенежских ханов. Гонорар за внеочередной рейд по славянским землям? Или ущемление хвоста другому большому хану, своему сороди-

² Даром – от слова «дар», подарок.

чу? Вполне вероятно. Итак, печенегы – это раз.

Хакан хузарский. Это два. Но сомнительно. Йосыпу хузарскому нынче не до империи. Своих проблем – выше крыши.

И наконец, три – хакан русский³. Он же великий князь Киевский Игорь свет Рюрикович. Вот это возможно. Год тому назад Игорь как раз на ромеев и ходил. Те откупились, но большого богатства киевский князь тогда не привез. Тем не менее в этом году великий князь за добавкой не пошел. Да, Игорь – кандидат реальный.

Следующий вопрос: за что полагается такой существенный взнос в личную казну? Ну, это не вопрос даже. Ежику понятно: ромейское золото служит исключительно для пользы ромеям. Следовательно, во вред всем остальным... Следовательно, все остальные спят и видят это золотишко перехватить. Так что даже тайная миссия должна быть обставлена очень серьезно. И тот, кому предназначается золото, обязательно должен быть в курсе и тоже позаботиться о соблюдении правил безопасности. И дикие хузары при таком куше выглядят примерно как пацаны с рогатками в качестве охранников коммерческого банка. Следовательно, здесь что-то нечисто. Следовательно, ничего хорошего от этой немереной добычи ждать не приходится. И очень, очень вероятно,

³ Право на титул хакана давало Тмутараканское княжение, хотя князь тмутараканский именовался просто князем, а не великим князем, как тот, кто держал стол в Киеве.

что настоящий хозяин имущества обретается где-то поблизости. Следовательно...

– Следовательно, мы влипли, – констатировал Духарев. – Эй! Братья-варяги! Идите-ка все сюда!

Через пару секунд две дюжины варягов уже толпились вокруг немереной добычи. Гоготали, лупили друг друга по спинам, щупали драгоценный металл, пускали слюни...

– Значит, так, ребятки, – негромко, но веско произнес Духарев. – Слушай меня!

«Ребятки» тут же оставили в покое золотишко и обратили восторженные лица к командиру. Общеизвестно, что преданность воинов напрямую зависит от удачливости военачальника. В эту минуту рейтинг Духарева поднимался аж до заоблачных высот. Сергею предстояло опустить его на землю.

– Я не знаю, – сказал он, – как это все попало вот к ним. – Жест в сторону покойников. – Но я знаю твердо: у этого богатства есть настоящий хозяин. Вот этого мешочка... – Духарев поднял мешок с золотом, тянувший на полпуда, – хватит, чтобы год кормить дружину в три сотни клинков. И будь я хозяином этого мешка, я бы не хотел, чтобы ему было без меня одиноко. И присматривал бы за ним не хуже, чем евнух болгарского царя за его новой наложницей.

– А мы его поделим! – задорно выкрикнул Мисюрок, совсем молодой парень из Серегина десятка. – И присмотрим вместе!

Бац! Деревянная лопата, которую Устах называл своей ладонью, шлепнула Мисюрка по затылку так, что у парня шлем съехал на глаза.

– У этого золота есть хозяин,– продолжал Духарев.– И я не уверен, что нам он по зубам. Но, с другой стороны, и мы все имеем некоторое право на эти деньги. Мы ведь взяли его в бою, верно?

Ватажка дружно подтвердила: да, верно.

– Может, нам следует подождать хозяина и спокойно отдать ему деньги: может, и нам что перепадет? – задал коварный вопрос Духарев.

– Перепадет,– мрачно проворчал Щербина.– Секирой по загривку.

– А хозяин-то кто? – поинтересовался неугомонный Мисюрк.

– Это земля большого хана Куркутэ,– заметил Чусок.– Может, и деньги его?

– Может,– не стал оспаривать Духарев.

Понятко звонко рассмеялся.

– Чтобы Волк поделился добычей? – воскликнул он.– Скорее мой гнедой жеребенка принесет!

– А что ты предлагаешь? – Духарев усмехнулся.

Понятко был молод, но храбр и неглуп. Потому пользовался в ватажке не меньшим уважением, чем Гололоб или тот же Чусок.

– Взять добычу и бежать со всех ног! – Понятко снова за-

смеялся.— Авось не догонят!

— Кто думает по-другому? — спросил Духарев.

Ватажка ответила одобрительным ворчанием.

— Ясно,— кивнул Сергей. Поглядел на небо: до восхода осталось недолго.

Он минуту задумался, планируя дальнейшие действия. Остальные терпеливо ждали.

— Значит, так,— решил Духарев.— Ты, Понятко, сейчас возьмешь Мисюрка, пару заводных — и махом — вдоль хузарского следа. Далеко не ходите. Как солнце выглянет — сразу назад! По седлам!

Хотел еще добавить, чтоб поосторожней, но сообразил, что в этом нет необходимости.

— Устах! — Духарев повернулся к другу.— Отсюда до берега стрелищ двадцать?

— Тридцать.

— Тем лучше. Слепим ложный след. Заодно коней напоим. Распорядишься?

— Угу.— Серегину идею он ухватил с ходу. Чем больше следов поведет с места побоища, тем сложнее будет возможным преследователям Днепровский берег здесь — не то что у Хортицы, пологий. И течение ровное. Можно переправиться? Можно. Вот пусть преследователь и гадает: переправили добычу на тот берег или нет.

— Клёст, Чекан, Шуйка! — гаркнул Устах.— Взяли лошадей — и к Днепру. Туда — широко гоните, обратно — цепочкой. Да

на берегу не валандайтесь! Наполнили бурдюки – и назад. Свей, Морош, что стоите, разинув рты? Ждете, пока муха влетит? Ну-ка, давайте с мертвяками заканчивайте! Чусок, возьми кого-нибудь и пересыпайте это в переметные сумы.– Варяг небрежно пихнул ногой мешок с золотом.– На мешках, вишь, пометки сделаны. Да в сумках везти сподручней будет.

– А делить? – заикнулся было Морош.

– Печенег тебе поделят! – посулил Устах.– Частей на шесть. Шевелись давай!

Пока синеусый варяг организовывал производственный процесс, Серега старательно шевелил мозгами: что бы этакое сотворить для окончательного запутывания возможных преследователей?

Его размышление прервало появление хузар. Лихо осадив коня в шаге от Духарева, Машег швырнул к Серегиным ногам труп еще одного разбойника.

– Ну и что дальше? – спросил Духарев, поглядев на свежего покойничка.

Ничего особенного. Плоская, дочерна загорелая морда, раззявленная пасть с обломками зубов...

– А то, – сердито бросил Машег, – что их двое было. Один ушел!

Вот это было скверно, но ругать хузар Духарев не стал. Видно, что и так расстроены неудачей.

– Там у них табунок был, – сказал Рагух. – Голов на двести.

И этих двое. Как нас увидели – сразу бежать. Этого Машег достал, а второй утек. Да и пусть бежит. Одним больше, одним меньше... Может, поймают его кто да кишки и выпустит!

– Вот именно! – буркнул Духарев. – Вы лучше вон туда гляньте! – Он показал на Чуска, пересыпающего монеты из мешка в седельную сумку.

– О-о-о! – Рахуг даже забыл закрыть рот.

Тронув коня, он подъехал поближе.

– Что зришь? Давай помогай! – сказал ему Чусок.

В отличие от соплеменника, Машег с места не сдвинулся.

– Это золото, да, Серегей?

– Золото. И серебро. И утварь.

– Больно много.

Машег – синеглазый красавец, воин в ...надцатом поколении, кровь хаканов, немерено колен благородных предков, но голова у хузарина варила – дай Бог всякому!

– В том-то и дело, – хмуро бросил Серега.

– Это ничего! – Машег блеснул зубами. – Много золота не бывает!

– Зато бывает, что вокруг этого золота много трупов, – заметил Духарев. – Не хотелось бы к ним присоединиться.

Хузарин встрепенулся – понял.

– Поеду-ка я поищу этого пастуха, – сказал он.

– Нет! – отрезал Духарев. – Хрен с ним. Некогда. Надо ноги уносить.

Он вкратце изложил Машегу возможные варианты проис-

хождения золота и свои мысли по поводу ближайшего будущего.

Чусок тем временем закончил перегрузку и занялся делажкой того, что ободрали с мертвых тел. Дело нетрудное, доля каждого известна, если командиры решили бы кого поощрить особо, сказали бы.

К уже предложенным вариантам предполагаемой судьбы серебра-золота Машег прибавил еще один: дикие хузары золота сами не везли и силой не добывали, а были в сговоре с теми, кто вез. Или с теми, кому везли. Имитировали ограбление – и ищи ветра в Диком Поле! Если этот вариант соответствовал истине, то число осведомленных о деньгах, соответственно, увеличивалось, а шансы варягов выкрутиться – уменьшались.

К сожалению, к даме по имени Истина именно Машег оказался ближе всех.

Глава третья, в которой десятник варяжский Сергей применяет хитрость, именуемую «два зайца»

Понятко и Гололоб прошлись по разбойничьему следу до днепровского берега и еще версты две – вдоль реки. Тут след прервался. Вернее, ушел в воду. Понятко пошарил в камышах и обнаружил вспоротую бычью шкуру. Такие шкуры использовали для переправы: набивали сеном, зашивали – и вперед. Держало неплохо, Духарев сам пробовал.

На тот берег парни переправляться не стали, повернули коней и поскакали обратно. Позитивной можно было считать информацию о том, что на этом берегу степняков никто не преследовал. Но в этом Сергей и так был почти уверен: если бы у разбойников на хвосте висели сердитые дядьки, хузары не были бы такими беспечными. Хотя кто их, поганых, поймет? С них станется: зарежут пару-тройку пленников, божков своих в крови выкупают – и считают, что дело в шляпе, ни один враг не отыщет. И надо признать, были случаи, когда не отыскивали. Стало быть, методика работала.

Однако варяги, хоть тоже язычники, к подобным приемам не прибегали, а уж христианину такое и вовсе не пристало.

Поэтому Духарев решил сбить погоню более реальной уловкой.

– Я думаю, нам надо разделиться,— сказал он Устаху.

Выслушав Серегини аргументы, Устах признал, что мысль неглупая. Но взять половину добычи и возглавить второй отряд отказался наотрез. Обосновал отказ следующим образом:

– Мне это не нравится!

Все. Точка. Спорить с синеусым после того, как он объявил свое решение,— только время попусту тратить.

Сообща решили: выделить во второй отряд по три человека из каждого десятка. Старшим будет Чусок. Он опытен, и парни его уважают. Позвали Чуска, изложили новый план.

Чусок, подумав, согласился, но сказал, что доли добычи не возьмет. Возьмет пуда полтора серебра, гривен на сто, чтоб, если что, ребятам не обидно было.

Под «если что» подразумевалось: если славные парни Духарев, Устах и остальные пойдут на подпитку вороньего племени.

Царапая ножиками на коже перевернутой сумки, набросали схему движения отвлекающего отряда: подняться вверх по течению Днепра до обжитых мест, там свернуть на восход и краем степи идти к Донцу, точнее, к острожку Крице, возведенному на излучине Донца.

Решили, что второй отряд заберет всех лишних коней и увезет тела разбойников. Тела эти, по хузарскому обычаю,

следовало зарыть в землю, но Серега предложил поступить проще: привязав камни, утопить трупы в Днепре. Прямо у берега, на радость ракам и прочей живности. Это тоже был обманный ход. Замаскировать место побоища не получится, так пусть те, кто пойдет по ложному следу, схвалят еще одну обманку. Тот, кто найдет под бережком утопленных, должен сообразить так: кто топил – тот и убил. А кто убил – у того и денежки. А Чусок с парнями пойдут не таясь, без особой спешки, да не в степь, а землями киевских данников. Если хозяин богатства, печенег или иной чужак, сунется на киевские земли – вполне может схлопотать по чавке. А если хозяин – сам киевский князь? Тогда еще лучше. Ну догонит он Чуска – и что дальше? Тот охотно признает, что побил черных хузар. Служба у него такая – разбойников бить. Да вот беда: и разбойники побили многих – вот и решили возвращаться. Золото? Да не было никакого золота! Вот лошадок степных взяли. Не хочет ли светлый князь лошадок прикупить? Хорошие лошадки-то!

Зная Чуска, можно не сомневаться: врать он будет не хуже скомороха.

А тем временем основной отряд уже потеряется в Дикой Степи. «Ищи ветра в поле» – это как раз о ней и сказано.

Когда набравшее жар солнце повисло над ковыльными метлами, оба отряда двинулись, каждый в свою сторону. Еще раньше в степь умчались разведчики.

Духарев ехал во главе отряда на заводной лошади из трофейных. Лошадка эта попыталась поначалу качать права, кушаться и совершать другие не предусмотренные походным распорядком телодвижения. Но Серега быстренько втолковал ей, что такое хорошо, а что такое – больно, и консенсус был найден. Следом, обремененная переметными сумами, трусила Серегина первая заводная, а слева, налегке, легким галопом – Пепел. Боевого, выученного коня Духарев старался не обременять. Если что, жеребец должен быть злым и свежим.

Справа от Сергея, тоже на заводной, ехал Гололоб, а за ним тянулась цепочка выучных. Не охотничий отряд, а купеческий караван. Ехали то шагом, то легким галопом, не медля, но без особой необходимости коней не изнуряя. Расчет был такой: через пару дней выйти на тракт, что вел через степь к побережью Азовского – по-здешнему Сурожского – моря. Сергей запланировал так: выйти на Сурож, сбить лишних коней, купить лодью или насад, выплыть к донскому устью, оттуда – к Донцу, подняться вверх до Крицы, объединиться с остальными и идти в северские земли. Это был путь отнюдь не самый близкий, левой задней ногой – через правое ухо. Зато возможную погоню запутает, да и по воде плыть, хоть и против течения, варягам привычно и от разбойничьих шаек безопасно. Таковы были планы, но Духарев очень сомневался, что реализуются они так же гладко, как составились. Это только с виду степь кажется пустынной и

бескрайней. А если собрать вместе всех шарящихся по ней любителей приключений и чужого имущества – такая толпа получится, не дай Бог!

Если бы Духареву каким-то образом удалось раздобыть вертолет и поднять его над Диким Полем или, еще лучше, глянуть на степь глазами парящего в бледном небе ястреба, он увидел бы много интересного. В первую очередь, он увидел бы широкую ленту многоводного Днепра и медленно ползущие по ней широкие насады, лодки, струги и прочие торговые плавсредства. Это было обычно и неинтересно. А вот узкие, похожие на быстрых хищных многоножек боевые лоды, чьи паруса были раскрашены в цвета киевского князя Игоря, снующие от берега к берегу, перевоза крохотных, если смотреть из-под облаков, лошадок и человечков, наверняка заинтересовали бы Духарева.

Но еще больше его заинтересовали бы «плывущие» по степному «морю» крохотные фигурки в войлочных шапках и серых тягиляях.

Печенег. Причем только мужчины. Воины. Вернее, разбойники.

Было их немного, зато путь их лежал в сторону Днепра и неминуемо должен был пересечься с путем варягов.

Это был не единственный воинский отряд печенегов в ближней степи. Еще один отряд ехал вдоль небольшой речки, бегущей к Сурожскому морю, но эти шли на север, и вероятность их встречи с варягами была исчезающе мала. Зато

третий отряд, численность которого раз в десять превышала численность поредевшей варяжской ватажки, двигался на юго-восток. Столкнуться с варягами этот отряд не мог, зато оставленный ими след должен был пересечь обязательно. И если этот след заинтересует печенегов...

Но у Сереги Духарева не было ни вертолета, ни крыльев ястреба. Поэтому он мог рассчитывать только на глаза своих дозорных и собственную интуицию. До сих пор этого хватало. Поскольку он еще жив.

Глава четвертая

Стычка

Меньше стало ковыльных метел, больше обычного разнотравья. Трава измельчала – не доставала и до конского брюха. Теперь всаднику открывались приятные глазу просторы: синева неба и зеленые пологие холмы, грядой уходящие к востоку. На одном Духарев разглядел крохотных наездников – своих дозорных.

Здесь, в степи, Серега чувствовал себя не то чтобы одиноким... Незначительным. Слишком много места вокруг. Слишком мало людей. В этих пространствах теряется даже многотысячная орда. Что уж говорить о маленьком отряде? А вот Сладе степь нравилась...

Подумав о жене, Серега вспомнил, как они позапрошлым летом приехали в Полоцк. Как толпился у причала народ, как радовались жены, встречая мужей живыми и веселыми. Вспомнил, как они втроем, Устах, Духарев и маленькая Слада, потерявшаяся между двумя здоровенными варягами, сошли на берег, где их никто не встречал. Сошли и остановились, не зная, куда дальше, чужие среди веселой толпы полочан. А потом из толпы возник сотник Гудым, широкий, громогласный, в обнимку с женой и дочерью, не сводившими с

сотника восторженных глаз...

И сразу все вокруг стали своими, и кипящий водоворот толпы, до этого чужой, тоже стал своим, включил в себя троих пришельцев и понес куда-то, то есть не куда-то, а в большой Гудымов дом, шумный от обилия домочадцев и челяди. А затем баня, общая трапеза и наконец торжественный поход к Детинцу, варяги и просто гридни, торжественные представления и – сам полоцкий князь Роговолт, неожиданно молодой, немногим старше Духарева, невысокий, с толстыми синими усами и еще более синими глазами на темном от загара лице. Как они с Духаревым с первого взгляда понравились друг другу, а Устах с полоцким князем оказались даже дальними родичами. Потом – пир, чаши по кругу, много пива, меда и хвастовства. Серега сначала собирался вообще о своих «подвигах» помалкивать, но хитрый Гудым заставил-таки Духарева выложить историю своей схватки с Хайнаром. И Серега неожиданно увлекся, вскочил, стал показывать, как бил Хайнар, как он парировал, атаковал... И слушатели оказались благодарные, понимающие. Все они были воины, профи, для которых не было ничего выше и важнее битвы, и схватка с нурманом из неаппетитной кровавой карусели неожиданно превратилась в прекрасный своим утонченным искусством поединок. А потом слово взял Устах и принялся совсем уж неумеренно расхваливать Серегу, живописуя, как он голыми руками расправился с двумя вооружен-

ными ульфхеднарами ⁴, а потом, раненый, с одним мечом, без щита, зарезал третьего нурмана. И слушатели восхищенно орали, потому что здесь были только варяги и те, кто хотел ими стать. И не было ну ни одного спесивого нурмана! И Серегу заставили показать, как именно он бил волколюдов. И Духарев показал. И еще расколол кулаком деревянный поднос. И никто не смеялся над его «простонародным» способом борьбы, а кто-то из гридней побился об заклад, что тоже развалит кулаком доску. И не развалил, а только ушиб руку, и Серега, смеясь, позвал гридня в гости, потому что жена у Сереги лекарка и вылечить расшибленные пальцы ей раз плюнуть. А Гудым немедленно продемонстрировал вылеченную Сладой руку, разумеется, невероятно преувеличив тяжесть раны, доведя ее чуть ли не до огневицы...

И еще Духарев обратил внимание, что молодой князь почти ничего не говорит и почти не пьет, но слушает очень внимательно.

А когда на небе высыпали звезды, а полоцкая дружина наелась, напилась, накричалась и тоже высыпала во двор охладиться, князь подозвал Гудыма, чтобы сотник привел к нему нового дружинника. И сказал князь, что хочет он что-то сделать для такого славного воина, но одарить его зброей не может, поскольку видит, что зброя у Серегея-варяга отменная. Да и серебра у такого славного воина наверняка вдосталь (Сергей кивнул не без гордости), а потому он, Роговолт, да-

⁴ Ульфхеднар – волк-оборотень.

рит Сереге землю внутри городских стен, чтобы тот построил на ней добрый дом и жил там своим родом, с женами и наложницами, и растил сыновей, которых, ясное дело, у такого молодца будет великое множество.

Духарев поблагодарил искренне и не стал тогда «огорчать» князя сообщением о своем христианстве и естественных ограничениях, налагаемых оным на количество жен.

Князь узнал об этом позже, когда собирался поставить Духарева десятником. Узнал и десятником Серегу не поставил. То немногое, что полоцкий князь ведал о последователях ромейского Бога, не внушало Роговолту доверия. То есть своего расположения князь Духарева не лишил, но поручить человеку «с дефектом» своих людей не рискнул.

Десятником Серегу поставил уже Свенельд. У воеводы были на Духарева серьезные планы, а религиозными проблемами победитель уличей не заморачивался. Ему служили и христиане, и иудеи-хузары, и поклонники «светлых небес» из степных племен. Кого из божеств считать своим главным покровителем – личное дело гридня. Лишь бы он был толковым воином, не хулил Перуна и правильно понимал Правду.

Духарев Перуна не хулил, но в кровавых оргиях участия не принимал. Не одобрял, но помалкивал. Что делать, если все твои друзья – язычники. Если ни один праздник без крови не обходится. Что говорить о боге воинов Перуне, если даже скотий⁵ бог Волох, которого многие славяне держали

⁵ Древнеславянское понятие «скот» включало не только домашних животных,

в покровителях, тоже человеческими жертвами не брезговал, хотя в последнее время служители его старались приносить ему не девственниц, а девственность. Однако ж при любых неурядицах те же смерды готовы были отдать собственных дочерей, лишь бы не было неурожая. Духарев одобрить это не мог, но понять – вполне. Жили тут не каждый сам по себе, а родами. Индивидуальность, личность не имела значения. Только как часть целого. И если для выживания целого надо отдать богу часть, дочь или сына, – отдавали. Был бы род жив, а дети новые рождаются. Голодная зима больше погубит, чем серп жреца. Голод был реальностью и для пахарей-полян, и для охотников-кривичей. Каждый третий год был неурожайным. И хорошо, если только третий.

В этом отношении обитатели Азовского побережья, к которому сейчас двигались варяги, были в привилегированном положении. Пусть засуха сожжет поля, пусть падет скот – рыба в мелком Сурожском море не переведется. Хоть сетями лови, хоть руками. Зимой тут даже овец рыбой подкармливали.

Кабы еще степняков диких к ногтю прижать, был бы тут просто рай.

Вспугнутые лошадьми, взлетели из травы тетерева. Паривший над степью ястреб тут же ринулся вниз, ударил метко...

Кто-то из варягов заклекотал по-птичьи, поздравляя

небесного охотника с удачей.

Другой, более практичный, метнул стрелу – и жирный степной тетерев тяжело рухнул в траву. Стрелок, древлянин Шуйка, перенятый Свенельдом из грядней древлянско-го князя Мала, пустил коня вскачь, свесился с седла и с ходу подхватил сбитую птицу.

– Добре! – зычно поощрил его Устах, и следующую стайку так густо закидали стрелами, будто то были не птички, а печенежская конница.

– Из тетерева уха хороша! – мечтательно произнес Гололоб.– Ежели с корешками да на рыбьей юшке...

– Ша! – Духарев привстал на стременах. Он увидел, как один из разъездов, правый, достигнув вершины холма, внезапно повернул вспять и галопом понесся обратно.

– Стой! – рявкнул Сергей.

Он наблюдал за вторым разъездом.

Так и есть! Взлетев на гряде, двое дозорных тоже развернули коней и понеслись обратно. Один даже, на ходу, переметнулся из седла в седло – на свежую лошадь. Второй на скаку, будто играя, подбросил лук: раз, другой. Условный знак. Две дюжины верховых. Или немного больше. Если это не передовой отряд, то управиться можно. Но всё равно невезуха! И пятнадцати верст не проехали, а уже нарвались!

Варяги, остановившись, глядели на своих. Ждали команды. Биться или бежать?

На гребне показались крохотные фигурки – вражеские

всадники. Рассыпаясь веером, они помчались вниз.

Дозорные опережали их шагов на четыреста.

Устах подъехал к Сергею, хлопнул по рукояти меча.

Духарев кивнул.

– Разберись! – выкрикнул синеусый.

Варяги тут же изготовились к бою: сменили лошадей, разъехались широко в стороны, проверили луки, сдвинули колчаны поудобнее...

Духарев пересел на Пепла. Почувствовав на спине тяжесть хозяина, жеребец тихонько заржал. Серега коленями послал его вперед, вынул из колчана сразу три стрелы с узкими гранеными наконечниками...

Один из дозорных начал отставать: преследователи обрадованно заверещали. Сразу трое степняков скакали плотной группой, понемногу настигая...

На свою голову!

Дозорный (кто – не разглядеть, но наверняка кто-то из хузар) развернулся в седле и метнул стрелу вверх. Мгновением позже один из вражеских коней взвился на дыбы и опрокинулся. Наездник успел соскочить. А преследуемый тут же прибавил и ушел вперед. Вслед ему полетели стрелы, но попадали в траву, не достав цели.

Сергей тянул сколько мог: очень уж не хотелось драться. Может, увидав остальных варягов и сообразив, что расклад почти равный, степняки струсят?

– Ну, копченые ублюдки, – пробормотал он, – давайте по-

ворачивайте!

Не повернули. То ли они увлеклись, то ли – от избытка наглости – сочли варягов легкой добычей. Что ж, пеняйте на себя!

Духарев набрал в грудь побольше воздуха – пронзительно засвистел и бросил Пепла в галоп.

Все варяжские кони разом рванулись вперед, в полную силу. Всадники припали к холкам.

Тугой воздух бил в лицо. Серега наклонил голову пониже, чтобы ветер задувал под ворот и охлаждал спину. Ковыльные метлы хлестали по сапогам, глухо били в землю копыта, толкая вперед и вверх могучее тело жеребца, подбрасывая привставшего в стременах всадника. Это была не просто скорость. Как будто мощь коня перетекала в человеческие мускулы. Восторг, азарт, кайф!

Но нынче Серега не имел права растворять мозги в кайфах. Он обязан был думать. За себя и за своих бойцов. Обязан был четко осознавать происходящее, предугадывать возможную опасность: вдруг дозорный ошибся, и врагов намного больше? Вдруг сейчас вывалит из-за холмов целая сотня степняков – и что тогда?

А тогда надо сунуть ярость, азарт, сладкое предвкушение битвы куда подальше, развернуться на сто восемьдесят и, как выражается Понятко, «тикать во все четыре копыта». И позаботиться, чтобы все его парни тоже развернулись и удирали, как припеченные. И тот, кто думает, что для этого доста-

точно разок свистнуть, – глубоко ошибается. Попробуй заверни того же Мисюрка, когда у того перед дракой крышу начисто сносит и в пустой башке ничего не остается, кроме этой самой будущей драки! Боевая ярость мозги отшибает почище сушеных мухоморов. В первую очередь чувство самосохранения.

Нет, никто больше не выскочил из-за холмов. Но еще не факт, что там никого нет. Степную повадку: цапнуть, отбежать – и заманить в засаду – Серега уже изучил во всех подробностях. Кровью за науку плачено. Поэтому летит Сергино тело в бой, пластается над степью вместе с бешеным конем, с трудом удерживая рвущийся из груди крик предвкушения битвы, а сознание – оно где-то сбоку, замечает, отслеживает, прокачивает ситуацию через мозговой компьютер, как бы минуя кипящее адреналином тело...

Нападающие скатились с холма. Уши резанул пронзительный визг. Так не визжит даже распаленный жеребец перед дракой. Так мерзко верещат только копченые!

Кто-то из варягов ответил низким турьим ревом, кто-то завыл по-волчьи...

Серега вдыхал острый запах конского пота, теплый ветер раздувал усы, облизывал щеки...

Дозорные – они уже были ближе к своим, чем к степнякам, – резко повернули коней почти под прямым углом, натянули луки...

Ф-фыр-р! Ф-фыр-р!..

Ушли в небо красноперые стрелы... Один из печенегов вылетел из седла, еще один...

Остальные перестали визжать, приникли к конским холкам, рассыпались в стороны. И вот уже они один за другим поднимаются над лошадиными спинами, вскидывают луки... В воздухе зарябило от стрел, но оба отряда, вернее, две растянувшиеся цепочки всадников продолжали сближаться.

...Серегга видит, как ближайший к нему всадник, на полном скаку, встав почти во весь рост, посылает стрелу за стрелой. Духарев слышит, как эти стрелы рвут воздух совсем близко, но ни одна не задевает ни его, ни Пепла.

Когда печенег сует руку в колчан, Духарев тут же привстает на стременах и, почти не целясь, одну за другой, выпускает три стрелы.

Мимо. Зато степняк после первого же выстрела съеживается, припадает к гриве... А кони летят навстречу друг другу, стремительно сближаясь...

Духарев торопливо сует в чехол лук, вытягивает меч, бьет пятками жеребца. Быстрее, еще быстрее...

А его противник, наконец сообразив, что рукопашная – не его профиль, резко осаживает коня.

Хлесткий удар тетивы.

Пепел прынул в сторону, не дожидаясь команды всадника, и тут же снова прыгнул вперед. Обученный для боя конь

дорогого стоит – две стрелы ушли в «молоко». Третью Духарев лихо отшиб мечом. Нервы у степняка не выдержали. Он рывком развернул лошадь, уже в повороте выстрелил еще раз – опять промахнулся, хлестнул свою лошадку... Но Пепел, разогнавшийся, уже ее достал, и Сергей, привстав на коротких стременах, смахнул печенежью голову в войлочной шапке. Легко, словно лозу срубил. И тут же оглянулся, выискивая нового врага.

Враг, как мгновенно выяснилось, тоже его искал.

У затылка, едва не чиркнув по шлему, пропела стрела.

Духарев резко осадил, и следующая стрела прошла перед мордой Пепла. Разворот... Вот ты где, голубчик!

Ухмыляясь во весь рот – с тридцати шагов степняк муху к кизяку пришпилит, – печенег выпустил еще одну стрелу. Духарев не глазами, шестым чувством уловил, куда целит враг, резко наклонился – и смерть прошла над головой.

Вот наглец! В лицо метит!

Прижавшись щекой к жесткой гриве, Духарев мчался вперед. Пары секунд ему хватило, чтобы оценить противника и понять, что тот, отменный стрелок, не станет бить в коня, уверенный, что непременно достанет всадника. Ну, поглядим!

Духарев так плотно приник к Пеплу, что только стальной шлем виднелся между ушами жеребца. Да еще рука с мечом, занесенная для удара.

Стрела ударила в основание клинка с такой силой, что Се-

регину руку отбросило назад. Печенег закинул руку, выдерживая из колчана новую стрелу, но Духарев уже был рядом. Меч взлетел и опустился. Полетели в траву две половинки лука, которым степняк (наивный!) попытался отбить булатный клинок. Меч с хрустом просек пропитанный солью тягилый. Конь печенега шарахнулся, его хозяин вывалился из седла и остался лежать, судорожно дергая конечностями. Духарев уже забыл о нем, выискивая новых врагов.

Но их не было.

Около дюжины оставшихся в живых печенегов рассыпались по степи, спасаясь бегством. Примерно столько же варягов скакали за ними. Преследовали.

«А вот это совершенно лишнее!» – подумал Духарев и вывистел сигнал: «Все ко мне!»

Печенег и убегая может метнуть стрелу. И попасть, что характерно.

Свист хорошо слышен в степи. Варяги один за другим прекратили преследование. Все, кроме одного. Этот на скаку выпустил стрелу – и удирающий печенег свалился. Его конь тут же остановился, готовясь защищать хозяина, но стрелок (это был Машег) отложил обдирание трупа на потом и галопом пустился на зов. Понятие дисциплины было не чуждо благородным хузарам, хотя иногда трактовалось ими весьма вольно.

Съехались.

– Рагух, что за холмами? – первым делом спросил Духа-

рев.

– Других не видал.– Хузарин правильно понял вопрос.

Убегающие печенегии превратились в черные точки. Вряд ли они вернутся. Не было случая на Серегинной памяти, чтобы разбойничья шайка вернулась, получив по чавке. Разве что с подмогой.

Сергей спрыгнул на траву, приласкал Пепла. Огляделся, пересчитал своих и помрачнел.

Подъехал Устах, тоже спешился.

– Цел?

– Как видишь.

– Надо бы наверх подняться, глянуть, как оно там.

– Я поднимусь,– кивнул Духарев, свистом подозвал заводную, взобрался в седло. Тело уже расслабилось, но сердце колотилось быстро-быстро. Обычное дело после боя.

Уцелевшие варяги съезжались к командирам.

– Устах, раненые – на тебе. Машег, Гололоб – со мной! – скомандовал Сергей. И направил лошадь к ближайшему холму.

Глава пятая

Неожиданная «находка»

На вершине холма стоял обгрызенный ветрами каменный истукан. Рагух сплюнул метко, попав истукану в выпуклый пористый глаз. Удостоился неодобрительного взгляда со стороны Гололоба. Ухмыльнулся.

По ту сторону холмов лежали еще холмы. Трава – как шелковистая шерсть на спинах исполинских зверей.

Гололоба прозвали Гололобом потому, что надо лбом у него не волосы росли, а бугрился широкий шрам от ожога. В дальнем походе плеснули со стены кипящим маслом. Повезло, что в глаза не попало. Если не считать этого малого дефекта, Гололоб был муж хоть куда. Силач, красавец, воин отменный. Но с хузарами постоянно пикировался. Не то чтобы Гололоб их недолюбливал, скорее – дух соревнования.

– Ты руку перевяжи, кровь капает.– Рагух показал на Гололобово предплечье.

– Ах ты, песий бог! – Гололоб поддернул рукав.– Не заметил!

И полез здоровой рукой в седельную суму за льном.

– А ну покажи! – забеспокоился Духарев.

– Нет, пустяки. Стрелой царапнуло.– Гололоб плеснул из фляги на рану (антисептика, блин!) и одной рукой умело на-

мотал льняной лоскут.

Истукан взирал на людей с мрачным терпением; дескать, когда ваши косточки истлеют, я все еще буду тут стоять.

«Да,— подумал Серега,— место хорошее. Все видно и ото- всюду видно». Такие места обычно выбирали для погребаль- ных курганов. Очень возможно, что в ногах идола покоится прах древнего вождя. Тем не менее идола никто не трогал. И старых курганов, кстати, никто из нынешних степняков не потрошил. Даже самые отмороженные воздерживались от грабежа чужих могил. Это потом, лет через тысячу, прикатят сюда «цивилизованные» археологи, ученые, мать их так, сре- жут макушку бульдозером, выпотрошат могилку, разложат косточки по коробочкам с надписями, свезут на музейный склад. А то и пепельницу сварганит какой-нибудь весельчак из бурого черепа древнего вождя. И будут многоученые ко- реша археолога, за партией в преф, пихать в череп окурки да скрученные шкурки от воблы. И обзывать дикарями тех же печенегов, которые, дескать, кумыс пили из вражеских черепов. Ну да, пили. И детей поили. Но при этом, надо от- метить, врагов убивали собственноручно и чаши из черепов делали не для их посмертного унижения, а совсем наоборот. Чтобы доблесть вражескую наследовать. Дикари, ясное дело! У них, наверное, и граненых стаканов не было. Вот и пили из чего ни попадя. А вот плевательницу из черепаушки сде- лать – слабо?

– Глянь, Серегей, там вроде рошица? – отвлек Духарева

от мрачных размышлений Гололоб.

– Река там, – уточнил Машег.

– Откуда знаешь?

– А ты на зелень погляди!

Гололоб спорить не стал: Машег лучше знает, он в степи родился.

– Поедем глянем?

– А что на нее глядеть? – удивился хузарин. – Вода есть – и хорошо. Там и заночуем. Так, Сергей?

Духарев кивнул.

– Поехали обратно, – сказал он. – Вроде все чисто.

– Ну-ка, постой! – неожиданно проговорил Машег. – Вроде пачинаки⁶?

Сергей прищурился, ага, точно! Два всадника! Правда, на таком расстоянии определить их племенную принадлежность Духареву было не по силам. Зато он углядел что-то светлое (мешок, что ли?), волочащееся по траве...

– Да пес с ними, с копчеными! – проворчал Гололоб. – Нехай бегут!

– А что это за ними тащится? – спросил Сергей.

Машег тоже прищурился...

– Полоняника волокут! – заявил он уверенно.

– А ну-ка...

Духарев пихнул каблуками лошадь и поскакал вниз по склону. Машег тут же его обогнал, полетел впереди, все бо-

⁶ Печенеги.

лее увеличивая разрыв. Конь у него был лучше Серегиного, да и наездником хузарин тоже был лучше, чем Духарев, лишь несколько лет назад впервые севший в седло.

Гололоб поравнялся с командиром, но гнать сломя голову не стал. Скорее шакал волка загрызет, чем Машег не управится с двумя печенегами.

Степняки заметили погоню. Тот, который волочил пленника, моментально перерезал веревку, и оба печенега припустили галопом. Хузарин тоже наддал.

– Машег! – взревел Духарев. – Брось их!

Хузарин услышал, придержал коня. Но скорее всего, не от дисциплинированности, а просто потому, что решил поберечь силы.

Пленник печенегов лежал, неловко подобрал под себя связанные руки и уткнувшись лицом в землю. Смуглая спина изодрана и посечена травой, длинные черные с проседью волосы спутаны и подпалены.

Варяги спешили.

Гололоб неделикатно, носком сапога, поддел лежащего и перевернул на бок. Тот застонал, попытался открыть глаза, но не смог. Лицо его выглядело так, словно над ним минут десять работал боксер-профессионал.

– На болгарина похож, – авторитетно заявил Гололоб.

Духарев хмыкнул. Больше всего бедолага был похож на сырую отбивную.

– Парс! – возразил Машег, разогнул пальцы связанного и

показал у него на ладони красное пятно: то ли краску, то ли татуировку.

– Добить, командир? – деловито осведомился Гололоб.

– Уверен, что мы для этого его у печенегов отбивали? – иронически осведомился Духарев.

Гололоб пожал плечами.

– Да он же не из наших! – сказал он с полной уверенностью, что это достаточный довод, чтобы прикончить пленника. – Да и не отбивали мы его...

Пленник зашевелился.

Сереге молча отстегнул фляжку и поднес к губам связанного.

Тот присосался к горлышку, как теленок к вымени. Разом выдул половину. Вздыхнул, снова попытался разлепить веки, не смог.

– Благодарю тебя, добрый человек, – прошептал он по-славянски.

– Мы – варяги, – сказал ему Духарев. – Мы тебя не бросим, не бойся!

Гололоб хмыкнул. Машег пробормотал что-то по поводу мягкосердых почитателей Христа.

Поступок командира оба не одобрили. Их гуманизм в отношении чужаков не распространялся дальше «прибить, чтоб не мучился». И это было правильно. По местным традициям. А Сереге вдруг очень захотелось помочь незнакомому бедолаге. Может, потому, что он еще не изжил до кон-

да старую мораль, может, потому, что Духареву просто надоело убивать. Захотелось, наоборот, подарить кому-то жизнь. Не из христианского человеколюбия. Просто так.

Кривой засапожный нож легко перерезал ремни, Духарев подхватил незнакомца на руки и уложил поперек седла. Бедняга скрипнул зубами, но удержался, не застонал.

В стычке с печенегамы варяги потеряли двоих. И еще трое были серьезно ранены. Легко раненных, вроде Гололоба, было с полдюжины, но легкие раны значения не имели.

Двое из Устахова десятка уже копали яму под костерок. Устах, признанный в ватажке костоправ, раскладывал инструменты.

Впрочем, один из «серьезных», раненный в шею Мисюрок, ухитрился «помочь себе сам». Вырвал стрелу, продырявившую мышцу, и, вместо того чтобы заняться раной, снова полез в драку. В результате потерял столько крови, что еле на ногах стоял.

– Ты что, нурман? Берсерк? – отругал его Духарев. – Горячка начнется – что с тобой делать? Герой! Без тебя не управились бы, да?

Мисюрок криво ухмылялся. Полагал он себя именно героем, а не недоумком. Еще бы! В гусярских сказах настоящие герои именно так и поступают. Сольют пару литров крови – и дальше скачут. А потом такие вот сопляки, даже не перевязав раны, снова кидаются в бой... и через пять минут

валяются под копыта коней.

– И кто тебя только учил, дурня! – ворчал Сергей, накладывая повязку.

– Десятник черниговский Дутка! – не без гордости ответил парень.

– Знаешь такого?

– Встречал, – буркнул Духарев.

В Чернигове они с Устахом гостевали в прошлом году и составили о тамошней дружине не слишком высокое мнение. Сомнительно, что в приличного бойца Мисюрок вырос в Чернигове. Скорее уж – когда в отроках у Свенельда ходил.

Устах обрабатывал бок второго раненого.

– Подержи-ка его, – попросил он Духарева, но раненый, его звали Вур, даже обиделся.

– Ты давай режь, старшой! – закричал он сердито. – Что я тебе, девка? Вытерплю!

– Как знаешь. – Устах зажег масло, прокалил в огне нож и хитрое приспособление для вытягивания стрел, похожее на кривую ложку.

Разрез Вур перенес бестрепетно, но когда Устах полез ложкой в рану, дернулся в сторону. Духарев вмиг придавил его руки к земле...

– Я сам! – прохрипел раненый. – Не держи меня!

И точно, больше не дрогнул, только скрежетал зубами да поминал нехорошими словами печенегов, степь и своего лекаря-мучителя.

Устах на ругань не реагировал, аккуратно вытянул наконечник, оглядел – не отравлен ли? – отложил в сторону. Наклонившись над раной, из которой обильно струилась кровь, принюхался, обмакнул палец, лизнул...

– Вроде требуху не порвало, – пробормотал он и принялся пучками запихивать в рану покрытый плесенью мох. Мох выглядел отвратительно, но собран и «приготовлен» был по рецепту Серegiной жены и пользовался у варягов заслуженным доверием.

У второго раненого печенежская стрела продырявила плечо, перешибла кость и вышла с другой стороны, упершись в кольчужный рукав. Вытащить ее было просто. Устах отломил наконечник, смазал древко маслом да и выдернул. Сложнее оказалось «составить» кость. Бедного парня держали вчетвером, а он бился и кричал, позабыв, что он – варяг, которому непристало даже жаловаться на боль.

Управились. Закрепили руку в лубке.

– Другой раз я его не возьму, – сказал Устах, вытирая окровавленные руки.

Парень был из его десятка.

Духарев кивнул, соглашаясь. Жаль, конечно, бился бедолага неплохо.

Мимходом подумал: «А сам я? Вытерпел бы или тоже орал и вырывался?»

Года два назад, точно, орал бы. А теперь? Теперь бы, наверное, терпел. Во-первых, положение, как говорится, обя-

зывает. Во-вторых – еще и рёреховская выучка имеется. Старый варяг сам боли вообще не замечал и ученика своего великовозрастного тоже кое-каким упражнениям научил. Правда, упражнения – всего лишь упражнения. Проверить, как это все работает, когда у тебя в кишках начнут пальцами рыться, случая пока не выпало. Надо признать, Серега по этому поводу не особо печалился.

Последним осмотрели найденыша. Оказалось, не такой уж он покалеченный. Так, «повреждения мягких тканей», как любил выражаться спортивный врач в Серегиной «той» жизни, обследуя, скажем, раздувшуюся после доброго пинка мошонку.

После обработки чужеземец даже ухитрился разлепить один глаз. Но – помалкивал. Его, впрочем, и не допрашивали. Успеется.

Обоих убитых завернули в попоны и погрузили на лошадей. Печенегам пусть зверье подкормится, а своих полагалось предать огню. Но – степь. Дым на сотню верст просматривается. Однако у Сереги появилась полезная мыслишка. Если речка окажется достаточно глубокая...

Глава шестая

Ночь у неведомой реки

До реки добрались уже на закате. Речушка оказалась не такая уж мелкая, чистая, с каменистым дном и купами лохматых верб вдоль низких берегов. Раненым в тени поставили шатер, прикрыли вход шелковым пологом, чтоб насекомые не досаждали. Для погибших связали квадратный плот, тела обложили ветками. Вместо медвежьей лапы, что клали по славянскому обычаю, дали покойным луки со стрелами да по длинному ножу. В ноги погибшим бросили двух связанных печенегов, взятых живыми и не добитых на месте именно для этой цели. По варяжскому обычаю, они должны были «сопровождать» уходящих за Кромку, чтобы видели духи: истинные воины в Ирий идут. Печенегам перевязали раны и дали воды: чтоб дотянули до рассвета.

Пока остальные готовили в смертный путь погибших братьев, Духарев и хузары, которым языческие церемонии отпирать было не положено по вере, занимались делами менее возвышенными – стряпали.

После ужина, по заведенному Сергеем обычаю, сели в кружок, провели «разбор полетов». Сошлись на том, что ошибок не было. А что потеряли троих против четырнадцати побитых печенегов, так это очень даже хороший результат.

Особенно если вспомнить, к примеру, какой была их первая стычка с печенегами у хортицких порогов. Вот когда была мясорубка!

Из восьми варягов (один – в дозоре, один – на страже у павших, трое раненых – в шатре), сидевших сейчас на песочке у костерка, ту схватку помнили все, кроме хузар, которые пришли в ватажку позже. Все восемь там были, все выжили, и все потом долго еще удивлялись, что выжили.

Сереге тоже помнил ту стычку очень хорошо. И слава Богу, что мог помнить, а не лег там, у хортицких порогов...

* * *

Месяца не прошло, как они пришли из Полоцка. Три больших десятка, сорок человек, считая сотника.

Пришли они по слову князя Роговолта, но вызвались все сами. Сереге тоже был добровольцем. Заскучал он в Полоцке. Для выходца из мира ТВ и компьютеров жизнь провинциального гридня скучновата. Тем более что и политиком, и воином Роговолт был умелым, с соседями жил если и не в большой дружбе, то уж уважением пользовался. Так что никто на Полоцк хищного клюва не разевал. А при таком раскладе жизнь гридня довольно однообразна. Тренировки, охота, пиры. Для женатых – еще и хозяйство. Двор, дом, челядь и прочее. Хозяйством, впрочем, ведала Сладислава, чему Сереге был откровенно рад.

К списку развлечений дружины относились также недалекие походы: посещение соседей, полюдые. Сбор налогов и демонстрация силы одновременно. И суд, конечно. Князь, тиуны, старшие бояре занимались решением социальных проблем, а дружина осуществляла, так сказать, силовую поддержку.

Выглядело это следующим образом.

На рыночной площади какого-нибудь городка выбиралось местечко, где навозу поменьше. На нем устанавливался деревянный княжий трон, который возили с собой специально для этой цели. Пониже, на скамеечках, рассаживались ближние бояре, а дружина, в полном боевом, выстраивалась вокруг. И начинался княжий суд.

Звучало круто, но на деле... На деле это обычно выглядело куда более прозаично.

Допустим, голова вольной охотничьей ватажки Шкуродер взял у огнищанина Пупырки-Жадюги снасть и припас в размере... (долгое и подробное перечисление) под треть будущей добычи, которая составила... (подробное перечисление). И вот, по заявлению кредитора, вышеуказанный Шкуродер, нехороший человек, сволочь поганая, представил только четверть.

«Сам ты сволочь поганая, нехороший человек и жаба мелкая, болотная! – степенно отвечает Шкуродер.– Всё мы тебе, пасти ненасытной, пиявке, опарышу трупному, отдали! А тебе все мало! – (Князю.) – Хочет он, чтоб мы по миру

пошли, чтоб дети наши...»

«Ах ты, блоха собачья, червяк навозный, помет сорочий! – с достоинством перебивает кредитор. – Как же это всё отдали, если...»

Засим следует еще длинное перечисление, что именно отдали ватажники с указанными расценками, дефектами поставленной продукции и уничижительными эпитетами в адрес поставщиков.

На что незамедлительно следует ответная речь Шкуродера, в которой подробно перечисляется отданное Пупырке, но оценивается отданное существенно выше, дефектов значительно меньше, а вот эпитетов, сопровождающих имя почтенного кредитора, существенно больше. Вспоминаются и недоставки продуктов и снаряжения со стороны Пупырки, а также дефекты этого снаряжения, по мнению ватажного головы, вызвавшие уменьшение добычи и напрямую связанные с происхождением Пупырки от дохлой щучки, совокупившейся со свиным пометом, изрыгнутым в чистую реку вышеупомянутым Пупыркой.

Когда стороны созревают до того, чтобы от словесных действий перейти к рукоприкладству, следует грозная реплика князя, и тяжущиеся стороны моментально перестают осыпать друг друга бранью, а их сторонники, соответственно, перестают засучивать рукава. А если не перестают, то пара-тройка княжьих отроков, выполняющих функции судебных приставов, быстренько навешивает буйнам тренделей,

оттаскивает их за ноги куда-нибудь в тень – и суд продолжается.

Начинается опрос видаков. То бишь свидетелей. И опрос этот вполне может затянуться часов на десять, поскольку считается, что чем больше у судящегося свидетелей, тем лучше, а диспут по поводу какого-нибудь мотка гнилой пеньковой веревки ценой меньше мелкого резана может длиться бесконечно.

Поначалу Духарев удивлялся терпению князя, молча выслушивающему диспут о том, как сказывается удар палкой, полученный забредшей в чужой огород (по другой версии – просто прогуливавшейся по улице) свиньей, на стоимости и вкусовых качествах окорока, изготовленного из этой свиньи двумя месяцами позже. Но потом Серега сообразил, что князь не столько слушает доводы, сколько изучает тяжущихся и общественную реакцию на их слова. А заодно определяет обеспеченность местных жителей и психологическую обстановку в городке. И слушает очень внимательно, поскольку в горячке дискуссии выбалтывается информация, которую в ином случае диспутанты держали бы при себе.

Решались же сами споры, как правило, не по показаниям свидетелей, а на основании личного знакомства князя с характерами сутяжников.

– Ты, Пупырка, три лета тому у ватажников тож лишнего требовал, – строго напоминал князь. – Довольно тебе.

И вопрос был решен. Так сказать, по прецеденту.

Если же судья с биографиями спорщиков был знаком слабо, а доводы с обеих сторон были примерно одинаковыми по громоздкости, призывался местный тиун, или староста. За кого поручится – тот и прав.

У Роговолта было чему поучиться. Если бы Духарев метил в княжьи тиуны, он, несомненно, внимал бы князьему суду с жадным вниманием.

Но Серега, который даже ведение собственного хозяйства переложил на хрупкие плечи жены, от подобных споров впадал в ступор, как лягушка – от мороза.

Были, конечно, и другие судебные дела. Попроще. Например, убийства. Тут расклад был четкий. Труп, свидетели, преступник, признание преступника. Если все присутствовало, князь определял головное (родственникам пострадавшего) и виру (себе). Если не хватало какой-нибудь детали, допустим, преступника, то виру выплачивала община или конец, на территории которого произошло убийство. При таком раскладе, то есть когда простые граждане были кровно, кошельком, заинтересованы в поимке убийца, у того было совсем мало шансов сбежать. А если он все-таки сбежал, то ловили его всем миром и с большим энтузиазмом. Дружина в этом участвовала, только если убийца оказывался слишком крут для непрофессионалов. Например, заезжий рубака-свей. Но такой случай Духарев наблюдал всего один раз, и то поставленный перед князем свей мгновенно повинился и заплатил, сколько сказали.

В общем, тоска.

Конечно, пиры и охота скрашивали жизнь бедных воинов. Охоту, однако, Серега любил не всякую. Вот медведя взять – это по нему! Но любой серьезный зверь считался «княжьим», и его обычно заваливал сам Роговолт, прочие – не лезь! А три часа гонять за каким-нибудь перепуганным оленем – извините! Что же до пиров... Кушали гридни, конечно, вкусно и сытно. И скоморохи их развлекали, и гусяры. Но скоморошья шуточка, от которых катались от хохота дружинники, были, на взгляд Сереги, довольно тупыми, а откровенная лесть по отношению к князю – вообще тошнотворна. Тех же скоморохов если и смотреть, то не в хоромах, а на рынке. Когда они не жопу князю лизали, а пародии на него корчили. Но скоморохи – это еще ничего. Вот гусяры-сказители – это вообще полный облом. Припрется какой-нибудь одноглазый дедушка да как затянет сипло, на одной ноте, под монотонный трень-брень, да как попрет словесным поносом...

Прерывать гусяра считалось дурным тоном. Тем более что народ это был злопамятный и запросто мог обкакать обидчика... в тереме другого князя. К тому же половина гусяров – чьи-нибудь соглядатаи.

Посему занудного певца воспитанные полоцкие дружинники редко выкидывали с крыльца. Чаще хвалили и подносили чашу за чашей. Надерется и уснет. И не будет мешать дружинникам самим петь любимые песни.

На памяти Духарева только один гуслир обладал музыкальным слухом и голосом и ушел не только с полным брюхом, но и с полным кошельком.

Была у Сереги еще одна проблема. Посерьезней. Девки. Те самые, которые на дружинных пирах обязательно присутствовали и у которых Духарев вызывал естественный здоровый интерес. И надо признать, при всей любви Сереги к жене интерес этот бывал не только односторонним. Но – увы! Все содеянное мужем на стороне непременно доходило до Сладиславы. Нет, никаких сцен она мужу не устраивала и ни словом не попрекнула. Только огорчалась. А огорчать ее Духарев совсем не хотел, но...

В общем, когда поступило предложение двинуть на юг, Духарев не без радости согласился. Но согласился бы он в любом случае, поскольку на юг, десятником, уходил Устах, а не поддержать в опасном деле лучшего друга Серега просто не мог. Вот они и пошли.

Глава седьмая

Ночь у неведомой реки (продолжение)

Пришло их от Роговолта сорок человек. И еще шесть десятков дал Свенельд. И велел, чтобы шли вдоль берега до Хортицкого волока, а ежели кто попадется из степняков – били без пощады.

Духареву воевода великого князя Киевского, а теперь и сам князь уличский и древлянский Свенельд сразу понравился. Правильный мужик. Одного замеса с Роговолтом полоцким. Варяг, опять же.

Правда, в немалой Свенельдовой дружине варягов было немного. Да и опытных воинов тоже было немного. Нелегко дались примучивание уличей и расширение подданных Киеву территорий. Служили Свенельду в основном парни молодые, отроки, самых разных племен, не шибко опытные, но азартные, и – всадники. А это в степи – половина успеха.

В полоцкой же дружине варягов больше половины, а из остальных большая часть – опытные гридни. Но наездники из полочан – не очень. Даже среди варягов, поскольку природных варягов, синеусых, было всего четверо, считая вождя. Те же, кто вошел в Перуново братство по клятве, а не по рождению, с коня, конечно, не падали, но пронырнуть в

галопе под лошадиным брюхом, уходя от стрел... Нет, такого они не осилили бы.

Поначалу Сереге новая служба показалась развлечением. Степняков он видел только на торжках, и они не казались ему такими уж опасными противниками. В сравнении с теми же нурманами – вообще задохлики. И ненависти к степнякам он тоже не испытывал. Слышал, конечно, о сожженных селах, зарезанных купцах, о замученных да угнанных в полон... Но полагал, что это обычное дело. По нынешнему времени. С другой стороны, сама служба казалась нужной и почетной. Охрана границ государства, защита мирного населения... Ну и добыча, опять-таки, предвидится. Свенельд, муж государственный (как показалось Духареву), внятно поставил им задачу. Сказал, что верит в них и надеется на их доблесть. Не забыл напомнить о том, чтобы заглядывали в кошелю побитых разбойников: наверняка там сыщется дюжина-другая ромейских монет. Короче, воодушевил.

От Киева шли весело. Правым, степным берегом. Правда, степь тут была еще не степь: рощи, перелески. Не такой густоты, как на севере, но зато иным дубам лет по триста, не меньше. Богатые места. Зверь, птица, рыбу руками ловить можно... Одним словом, с удовольствием шли. Аж до самого славного острова Хортицы. Не встречая никаких степных разбойников.

Как теперь понимал Духарев, большинство степняков загодя уходили с пути сильного отряда. И дозорных не трога-

ли, чтоб не настораживать. Много раз славяне натыкались на теплые еще следы, угадывали, что степняки уходили в спешке,— и исполнялись уверенности: «Ишь как нас боятся!» И потеряли бдительность.

С Духарева, впрочем, в те времена был невелик спрос, поскольку ходил он тогда даже не в десятниках, а лучшим гриднем в десятке Устаха.

Большая вина лежала на вожде, сотнике. Природный варяг, опытный воин, бившийся на море и на суше, степи он совсем не знал, хотя и ходил в молодости с Олегом на юг щипать ромеев.

Степняки же не просто бежали с их дороги. Скорее, отступали, попутно присматриваясь. По ночам сторожевые псы не раз и не два поднимали тревогу. Поначалу. Потом перестали. И скорее всего, потому, что печенежские лазутчики наловчились обманывать собак: заходить с подветренной стороны, отшибать чем-нибудь едкий человеческий запах...

Это Сергей понимал сейчас. Тогда он вместе с остальными и в ус не дул, полагая, что перед их «непомерной» силой все чужое бежит в ужасе.

Взяли их до рассвета. Удобный лысый пригорок на днепровском берегу, где славяне расположились на ночь, был бы очень хорош, если, к примеру, пришлось бы отбивать атаку нурманов или наскок белоголовых карел. Но в данном случае пригорок оказался ловушкой.

Часовых, у костров, срезали первыми выстрелами.

Лавина степняков с визгом и воем захлестнула беспечный лагерь. Выплеснутая из кожаных ведер вода с шипением хлынула в костры. Славян кололи, секли, топтали копытами. Белые рубахи и белые тела ратников Свенельда выдавали их даже в слабом свете звезд. Отроки вскакивали, заполошенно размахивая мечами,— и падали от точных ударов невидимых всадников.

В этой, первой атаке Духарев уцелел только потому, что умел биться в темноте, вслепую. И еще благодаря самообладанию.

Разбуженный визгом, криками и конским топотом, он не вскочил всполошенно, а, наоборот, прижался к земле. Сработал в нем какой-то глубинный прежний рефлекс человека, слышавшего грохот автоматных очередей: не бежать, вслепую рубя мечом, а вжаться, распластаться и тихонечко, ползком, от бугорка к бугорку...

И Серега пополз. Медленно, волоча за собой сверток с амуницией.

Совсем рядом лупили вплотную землю копыта. Слышался то взвизг стали, то влажный хрупающий звук разрубленной плоти, то короткий сиплый вскрик... И сразу с другой стороны – дикое ржание раненой лошади, злобный гортанный возглас...

Темная тень заслонила звезды, пронеслась сверху, обдав

острым духом лошадиного пота, тяжело ухнули копыта, комочки земли осыпали Серегину голову... Удар, вопль...

«Копьем», – машинально отметило сознание. Натренированное, оно вычленяло звуки, запахи, сотрясения почвы... Бой кипел рядом, в двадцати шагах. Не бой, а бойня. Серега мог бы вскочить, ударить снизу в конское брюхо, полоснуть по ноге всадника... Но в этой каше его сразу сшибли бы и затоптали. Не то чтобы он испугался... Просто чувствовал, что это не его бой. Бой по чужим правилам.

Воин же, как учил его старый битый варяг Рёрах, должен сам выбирать место для битвы. Если не хочет умереть на чужом.

Когда Серега отполз достаточно далеко, то рискнул встать и натянуть доспехи. Он делал это медленно. Частично из осторожности: не привлечь внимания; частично, может, потому, что понимал: облачившись, придется идти туда, в кровавую кашу, где вертелись черные всадники и мелькали белые пятна – свои.

Время как будто замедлилось, звуки удалились...

– И-и-и-ё-ё! – Печенег вылетел прямо на него, ударил, промахнулся, поднял коня, норовя затоптать.

Духарев моментально отпрыгнул, перехватил левой рукой печенегово копье, рванул, но хитрый степняк выпустил оружие и умчался, вмиг растворившись во тьме.

Сергей сплюнул на ладони, вырвал пласт дерна, окунул руки в землю и размазал грязь по лицу. Подхватил оружие...

Как раз вовремя. Еще один всадник, черная тень, пронесся мимо... Н-на!

Трофейное копьё вышибло печенег из седла, конь умчался, а всадник... Духарев не стал разбираться, что с ним. Он уже бежал обратно, в лагерь.

Под ногами что-то блеснуло. Сергей наклонился, подхватил на бегу оброненный кем-то меч, с двумя клинками врезался в свалку... И тут же услышал зычный голос Устаха, созывающего своих. Через мгновение они уже стояли спина к спине. А еще через мгновение к ним присоединились другие, и сразу стало повеселей, но степняки, почуяв, что резня вот-вот превратится в битву, тотчас покинули поле боя.

В общем, в этой, первой атаке славяне потеряли больше тридцати человек. И всех лошадей. Перебив пастухов, степняки угнали табун в степь.

Сергею никак не хотелось верить, что он потерял Пепла. Целый час он бродил в темноте, звал, свистел... Напрасно.

А когда начало светать, им всем стало не до коней.

До рассвета, конечно, никто из славян не уснул. Перевязывали раны, оценивали потери... И думали, что все уже кончилось.

Не тут-то было!

Едва ночную тьму сменили предрассветные сумерки, степняки появились вновь.

И началась кровавая карусель.

Юркие всадники замельтешили в высокой траве, градом

посыпались стрелы.

Славяне пытались отстреливаться – у них были хорошие луки, особенно у варягов, но так вышло, что внизу, где скакали печенеги, было темнее, чем наверху, где залегли славяне. А степняки били навесом – и очень метко. У Свенельдовых воинов были большие овальные щиты. Ими кое-как прикрылись, собрались вместе, выстояли. Ударить в славянский строй печенеги не рискнули. Вернее, не захотели. У них был другой план.

Во второй атаке погиб вождь-сотник. И пять десятников из семи. И каждый второй из выживших в первой атаке.

Уже никто не верил, что печенеги ушли. Славяне разделились. Человек десять остались в лагере, остальные решили спуститься к Днепру, за водой. И послать за помощью на остров, в святилище Хорса. Или хотя бы переправить туда раненых.

Напрасная надежда. Как только большой отряд спустился к берегу, на лагерь тут же обрушились печенеги. Наверное, их было не очень много, с самого начала не очень много – около полусотни. Но этой полусотни вполне хватило.

Один из двух уцелевших десятников, Свенельдов гридень, услышав крики, тут же кликнул своих и ринулся на помощь. Вторым десятником, Устах, не сдвинулся с места.

И, глядя на него, остались на месте восемь полоцких варягов и с полдюжины славян. В том числе несколько Свенельдовых.

– Им не поможешь,– мрачно заявил Устах.

С ним никто не стал спорить. Крики на высоком берегу не смолкали, но звона оружия уже не слышалось.

Устах поглядел на Духарева. Серега уступал другу опытом, но зато соображалка у него работала лучше.

– В воду и в камыши,– сразу заявил Сергей. – Досидим до ночи – и на остров.

– А почему не сейчас? – спросил кто-то из молодых.

– Потому что ты – дурак,– спокойно ответил Устах.– Головой думай.

Степняки появились на берегу спустя несколько минут. За это время уцелевшие славяне успели спрятаться между стеблей рогоза.

Печенег выпустили наугад с полдюжины стрел, но в воду не полезли. Там все преимущества стрелков-всадников сводились к нулю. Там один Духарев мог бы играючи порубить на мясной салат дюжину степняков.

Уцелевшие просидели в камышах до темноты... Слушая вопли истязаемых печенегами товарищей.

У Духарева было большое искушение добраться до палаток, но он понимал: печенег наверняка оставили часовых. Стоит только сунуться – и тут же схлопочешь стрелу. В лучшем случае. Живой, он еще успеет отомстить. Мертвый – вряд ли.

Когда стемнело, беглецы сложили боевое железо в пере-

вернутые щиты и поплыли к Хортице.

Добрались не все, недосчитались двоих полян. Может, те утонули, а может, унесло течением.

Спустя две недели к острову подошли лодьи киевских купцов с большой охраной. У купцов, скинувшись, варяги купили малую лодью, узкую лодку с косым парусом и четьрьмя парами весел.

Еще через две недели они бесславно вернулись в Киев, а оттуда верхами пришли к Свенельду.

Воевода, естественно, гибели отряда не обрадовался, но выживших корить не стал. А сделал соответствующие выводы. Теперь старшим он назначил Устаха, дал тому еще два десятка молодых воинов.

И четверых «оваряженных» хузар.

Для обучения степной науке.

И за эти полтора года варяги кое-чему научились. Например, не гибнуть по-дурацки. Но война есть война. Без потерь не бывает.

Глава восьмая

Ночь у неведомой реки. Совет

На песчаном берегу горел маленький костерок. Вокруг, кружком, сидели варяги. Лениво отмахивались от комаров, ждали, что скажут старшие.

На перевернутом щите стояла деревянная братина с ручками в форме лосиных голов. В братине темнел хмельной мед, хранимый именно на такой случай.

Духарев палкой поворошил костерок, проводил взглядом взлетевший сноп искр.

— Что ж, братья,— произнес он неторопливо.— Давайте думать, что делать будем. Есть кому что сказать?

Все тут же поглядели на Понятку. По традиции первое слово после старшего принадлежало младшему. Понятко же — самый молодой. Да и за словом за пазуху обычно не лазил. Но сейчас с речью не торопился.

Неподалеку коротко взлаяла собачонка. На зверя, не на человека.

Понятко взял братину обеими руками, отпил.

— Что делать...— медленно, с достоинством произнес он.— Мало нас. Не убереем добытого. Еще одна такая схватка — и мы биты. Все врагу достанется.

— Ну, значит, и достанется,— флегматично отозвался Ра-

гух.— Мертвым золото без надобности.

Устах и варяги постарше поглядели на хузарина неодоб- рительно: обычай нарушает.

— Дай! — Древлянин Шуйка почти выхватил чашу из рук Понятки.

— Точно хузарин сказал! — выкрикнул он.— Коли степня- ки наедут — и так и так погибель. А пронесет лихо — будем все на угрских иноходцах красоваться! В лучшую зброю об- лачимся! Хоромы построим княжьи! По пять жен заведем! Пировать станем денно и ночью! Мое слово: поделить все, а там — будь что будет! Лично я слово даю Перуну ноги кровью омыть, а рот набить золотом!

И Волоху — золотом! Пусть даст удачу! — Шуйка вскочил в азарте, расплескав мед.— Слышите меня, боги? Мое слово — крепкое!

— Сядь! Чего разорался? — сердито бросил древлянину Гололоб.— По воде звук далеко идет. Хочешь, чтоб тебя, окро- мя Перуна, еще и степняк услышал?

Шуйка сел, и Гололоб отобрал у него братину.

— Я против, чтоб золото с собой везти! — заявил он.— Степ- няк золото чует. Без золота безопасней.

— Ты что ж, братишка, выбросить его предлагаешь? — въедливо осведомился Рагух.

— Почему выбросить? Зароем в приметном месте. Вон хо- тя бы под взгорком, где истукан каменный. Как, братья?

И поглядел на своего десятника.

Духарев молчал. Ждал, как остальныеотреагируют.

– Я свою долю зарывать не стану! – отрезал Щербина.– Может, тебе, Гололоб, деньги и не нужны, а у меня жена да сын с дочерью. Это что ж, я им даже гостинца не привезу?

– Щербина дело говорит! – поддержал Рагух.

– Надо же, – вполголоса сказал Устах Сергею. – Шуйка мой да Щербина, главные хузаровы нелюбезники, с твоим Рахугом одним голосом поют. А еще говорят, что золото людей рознит!

– Доли ваши! – сердито сказал Гололоб. – Хотите – забирайте. Только ежели отымут, так это уж ваша, а не моя забота. Я за вашу жадность биться не стану!

– Ты мне покажи того, кто у меня отымет! – тут же ощерился Рахуг. – Я его прям в брюхо стрелой попотчую!

«Дотрепались! – подумал Духарев. – Мое, ваше... Братчина, блин!»

Да уж, привалила удача!

Вспомнился Духареву Рёрах, учитель. Как ходил тот с дружиной в дальние земли, и удачно ходил: везли из набега столько, что аж из корабельных ларей сыпалось. А чем кончилось? Из всей дружины уцелели четверо. Да сам вождь, покалеченный пытками. И добыча, в землю зарытая.

Если кому и повезло от этого исхода, так это Сереге. Меч у него за спиной – из того клада. А главное: не обезножел бы после нурманских пыток Рёрах, не стал бы из военного вождя лесным ведуном. И не встретил бы его Серега Духа-

рев, беглец бестолковый. И не стал бы Серега тем, кем стал. И все, что есть у него ценного: меч, доспех, уважение, жена, дом в граде Полоцке, конь ратный, – все силой да доблестью добыто, а не на рынке куплено. Конь, правда, сначала был именно куплен. На смоленской ярмарке. Но это сначала, а потом...

– Я своего не отдам! – ярился Рагух. – Мое – это мое! Все уразумели?

Машег похлопал его по спине, сказал что-то по-своему.

Понятко, способный к языкам, знавший и по-хузарски, и по-печенежски, оскорбительно засмеялся.

Рагух глянул на него злобно, сжал кулаки, приподнялся.

– А ну сядь, – негромко произнес Духарев, глядя на него в упор.

Хузарин тут же опустился на землю. Будто под коленки толкнули.

Духарев взял братину.

– Нечего попусту языками молоть, – веско сказал он. – Одной стрелой десятерых не побьешь, а сто гривен в пояс не спрячешь. Даже если в степи нас не перехватят, куда мы с таким богатством пойдем?

– Да хоть куда! – выкрикнул Шуйка.

И схлопотал по затылку.

– Цыть! – грозно сказал Устах. – Ты свое сказал.

– Ладно, деньги, – продолжал Духарев. – А утварь? Куда ты ее денешь? На киевский торг выставишь – так ее любой

зоркий глаз опознает. И нас же в лихоимстве обвинит.

– А если к нам? – предложил Машег.– В Итиль. А еще лучше – в Саркел. Наши купцы такой товар с руками оторвут! Довезти бы только.

– Вот именно.– Сергей поставил братину на колено.– Далеко до вас. И степью.

– Да я один от Волги до Днепра ходил! – запальчиво воскликнул Рахуг.– Не верите, да?

– Верим,– сказал Устах.– Только ты как ходил: с добычей или пустой?

Рагух промолчал.

– Вот-вот,– продолжал синеусый варяг.– Злато притягивает. Это верно Гололоб сказал. Когда у тебя сумы пусты, а всего имения, что конь да колчан со стрелами, кому ты нужен? Так, Рахуг?

Хузарин опять промолчал.

Зато подал голос Шуйка:

– Слушай, Серегей, что-то я не понял про лихоимство! Это что ж, если воин добычу на базар выносит, а ему говорят, что он ее добыл не честью, а подло, так это ж – судное дело!

– Умник! – Понятко хлопнул древлянина по спине.– А судит кто? Игорь-князь!

– А мы – Свенельдовы люди! – сердито возразил Шуйка.– Воевода вступится – князь уступит.

– Может, и уступит,– кивнул Сергей.– За исключением одного случая...

– Какого? – тупо спросил Шуйка.

– Если этот товар не Игорю предназначен, дурная голова! – гаркнул Понятко.

Над костром повисло молчание. Ссориться с великим князем киевским никому не хотелось. Но и отдавать добычу тоже совсем не хотелось. Тем более такую. С таким богатством каждый из варягов мог получить практически все, чего захотел. Кроме разве что княжьего стола. Но набрать свою дружину и сесть князьим посадником в каком-нибудь городке – вполне. Или купить боевой корабль и двинуть навстречу приключениям, если на месте сидеть не захочется. Зарыть в землю такое будущее?..

Но, с другой стороны, ни один из варягов не был лишен здравого смысла. И понимал, насколько мал шанс довести такую кучу драгметаллов до безопасного места.

В общем, все молчали. Ждали, что скажет тот, кого они полагали самым удачливым в ватажке. Серегей...

– Значит, так, – заявил Духарев. – Все, кто хотел, свое слово сказали. А сделаем мы так. Золото и утварь с собой не повезем. Сомневаюсь я, что сумеем довести. До Киева или до Саркела – все едино. Так что золото и утварь зароем здесь и место приметим. Серебро поделим, и каждый из своей доли переметную суму наполнит. Сколько это выйдет, Устах?

– Да гривен по сто, не меньше, – ответил синеусый.

– Тоже ведь деньги немалые, – заметил Духарев. – На ве-

но⁷ тебе, Шуйка, хватит. И на доспех тоже. И Щербине на пряники-мониста. Что же до злата... Будем живы да в силе – вернемся и заберем. А умрем, так мертвым оно без надобности. Так, Рахуг?

– У меня тоже родичи есть! – буркнул хузарин.

– Знаю, – кивнул Сергей. – Думаешь, что твоим родичам больше по вкусу придется: ты со ста гривнами или твое сушеное ухо у печенег на сбруе?

Кое-кто из варягов засмеялся, хотя ничего смешного в сказанном не было.

– Твоя правда, – кивнул Рахуг. – Быть посему.

– Все согласны? – Сергей оглядел товарищей.

Если у кого-то и были возражения, то он оставил их при себе. Духарев неплохо знал своих людей, но и они за это время успели узнать своего командира достаточно хорошо, чтобы не обманываться насчет «согласны – не согласны». Когда десятник Серегей таким образом выдвигает челюсть да глядит исподлобья, лучше ему не перечить. Поскольку десятник кулачищем своим с удара волколodu-берсерку шею сломать может. Прецеденты были. Так что лучше язык за зубами держать. Глядишь, и зубы целее будут.

Собственно, Духарев именно такой реакции и ожидал.

Если чье мнение и интересовало Серегу, так только мнение Устаха. Но Духарев знал, что синеусый варяг с ним полностью согласен.

⁷ Вено – «подарок» жениха родителям невесты.

Сергея поднял братину и через огонь протянул другу.

Устах принял, отпил:

– Быть посему,– повторил он слова Рахуга. И добавил:

– Зароем – и Перунову клятву принесем! Чтоб языками не трепать.

Синеусый варяг осушил чашу, выплеснул в костер последние капли.

– Шуйка,– велел,– поди дозорного позови. И Чирка. Он с павшими сидит. Пусть подойдет ненадолго.

Через несколько минут тринадцать варягов собрались в шатре, где от такого количества народу сразу стало тесно. Устах торжественно сообщил раненым, что решил круг. Зажгли малый огонь, выложили круг обнаженными мечами, встали меж клинков (раненых поддерживали товарищи), соединили руки и произнесли слова клятвы. Все: и христианин Духарев, и иудеи хузары. Вера верой, а братство – братством.

Приметой выбрали каменного истукана. Отсчитали сто двойных шагов вниз по склону. Наметили место, подняли дерн, вырыли яму, закидали мешки. Лишнюю землю увезли и выбросили в реку. Дерн с травой положили аккуратно, речной водичкой полили, чтоб трава не подсохла.

«Интересно,– сумрачно размышлял Духарев, когда, закончив дело, они возвращались в лагерь,– придет ли кто из нас за этим кладом? Или отроет его какой-нибудь археолог лет через тысячу?»

На какой-то совсем коротенький миг ему даже захотелось вернуться обратно, в свой век. И стать таким археологом. Там, в мире самолетов и кругосветных круизов, он нашел бы, как с кайфом истратить подобное богатство. А здесь? Это просто засада какая-то, когда у тебя есть все, что можно купить. А то, чего нет, – и купить невозможно.

Глава девятая

Русы

– Господин, мы их потеряли, – голос у гридня дрогнул. Он застыл, не поднимая глаз выше золоченого стремени, и не мог видеть, как ладонь всадника ласкает витую рукоять булавы. Один удар – и светлый затылок (шлем гридень держал в руках) превратится в кровавую кашу. Но всадник сдержался. Он умел смирять гнев. Вместо того чтобы ударить, он тоже снял шлем, погладил бритую загорелую голову, расправил влажный от пота чуб. Не выше уха у всадника – узкая полоса – шрам. И рука, расправлявшая поседевший чуб, тоже испещрена шрамами. Ее хозяин не любил рисковать попусту, но если уж выходило драться, то за щитами дружины не прятался.

Сейчас дружина стояла поодаль. Рядом был только один, лучший.

– Сказывал я те, батька: не хитри с хитрованами! – проворчал он.

– А ты? С одного лиса две шубы не снять. Ты своего Скарпи слушай больше – с сумой по миру пойдешь!

Варяжские усы говорившего были с густой проседью, а на концах крашены синим. Так же, как и у того, кого он назвал батькой.

– Молчи, Асмуд! – бросил старший.

Жеребец под ним заплясал, чуя настроение хозяина. Гнедая кобыла Асмуда недовольно покосилась на белого жеребца.

– Встань да говори толком! – прошипел всадник. – Лиса сбежала с нашим золотом?

– Не знаю.– Гриденъ медленно распрямился.– Их не было в уговоренном месте. Они ушли. След оборвался в Днепр...

– Переправились? – отрывисто спросил всадник.

– Скарпи сказал...

Высокий нурман в золоченых доспехах спрыгнул на песок, пошатнулся... Оказавшийся рядом разведчик-грить сунулся поддержать, но нурман сердито его оттолкнул.

– Не девка,– грубо сказал он.– Не свалюсь.

И пошел к воде.

Наверху громко переговаривались по-нурмански хирдманы Скарпи, личная дружина княжьего боярина.

Славяне-разведчики, обнаружившие след, помалкивали.

Примерно в полутора стрелищах от берега стояли на якорях две большие боевые лоды под полосатыми парусами. Там тоже интересовались происходящим на берегу, но нурмана в золоченых доспехах за высоким рогозом с кораблей видно не было.

Скарпи долго разглядывал примятые камыши. Потом повернулся, хватаясь за торчащие из земли корни, вскарабкал-

ся по сыпучему склону, толкнулся от подставленных под ногу ладоней и уселся в седло.

– Зови корабли, – бросил он одному из хирдманов.

Тот дважды отрывисто дунул в рог. Гнусавый низкий рев всполошил птиц. Захлопали тысячи крыльев. Разведчики, в большинстве – из охотников-полян, проводили улетающую дичь тоскливыми взглядами.

Лодьи снялись с якорей, развернулись к берегу...

– Хрунгельв, я оставляю тебе две сотни, десятерых следопытов и дюжину собак, – сказал нурман в золоченых доспехах тому, кто трубил в рог. – Разделитесь. Одни пусть идут вверх по течению, а другие – вниз. Но за оба отряда отвечаешь ты.

– А ты? – спросил Хрунгельв.

– А я переправлюсь на тот берег и сделаю то же самое. У этих черных крыс нет лодок. Далеко по воде они не уйдут. След будет.

Гридень перевел дух.

– Ну! – сердито поторопил всадник. – Продолжай!

– След мы нашли, – торопливо проговорил гридень. – На этой стороне и совсем близко. Только волки уже порвали лису.

– Какие еще волки? – взъярился всадник.

– Побили их, батька. На правом берегу, повыше Рачьего острова. Вся трава – в крови. И мешков не было. И хузар там

тоже не было.

– Трава в крови! – фыркнул Трувор.– Сбежали они, шакаля порода!

– Не сбежали,– буркнул гридень.– Мы их нашли...

Полуденное солнышко до песка пробивало мелководе. Скарпи не понадобилось спускаться с береговой кручи, чтобы увидеть то, что под водой. Зрелище объединенных раками тел – не самое приятное. Но Скарпи, который своего первого врага уложил в четырнадцать лет, а к семнадцати уже потерял счет тем, кого убил, вид трупов не взволновал. Его интересовало другое.

– Вытащить и пересчитать,– распорядился он.– Определить, скольких не хватает. Пустить погоню по следу...

– По которому? – флегматично поинтересовался Хрунгельв.– Их три.

Скарпи задумался...

– Скарпи решил: главный – тот, что в степь уходит. В степи потеряться легче. Остальные – чтоб глаз отвести,– сообщил гридень.– Так, батька, он и велел тебе передать.

– А почему он знает, что они на тот берег не ушли? – вмешался Асмуд.– Может, их насады на реке ждали?

– Скарпи на тот берег тоже послал,– ответил гридень.– След искать. И Днепром... Он одну лодью вниз послал, а вторую вверх, к волоку. А еще тебе велел передать, батька, чтоб

ты с дружиной прямо к чумацкому тракту шел. Ежели что – он сразу знать даст. А ежели ты решишь с лодьями и насадами в Царьград идти – ничего. Скарпи сам найдет злодеев и золото ромейское вернет.

– Ха! – воскликнул Асмуд, сын Стемида.– Нурман? Вернет! Только сначала ополовинит!

Гридень потупился. Он сам был нурман, а ославленному варягом Скарпи приходился племянником. По чести он должен был тут же вызвать Асмуда на поединок, но поскольку то был не просто варяг, а сам боярин Асмуд, то гридень предпочел промолчать. Если дядя найдет нужным, он сам защитит свою честь.

Старший же всадник Асмуда не слушал. Он размышлял.

К ромеям он, конечно, не пойдет. Ромеи вероломны. К ним если идти, то с настоящей силой. Ежели ромеи силу видят – они сами дают, и брать не надо. Малая дружина в тысячу воинов – это не сила. Тем более что дань ромеи уже отправили. Потребуешь еще – решат, что дешевле кого другого купить. И натравить на Киев. Ромеями не доблестные правят – торгаши. Хотя, надо признать, есть у них и полководцы. Но правят все равно торгаши. Потому и неплох был план Скарпи.

Приползут недобитые ромеи из тайного посольства к кесарю, доложат, что побили их степняки и дань, что русам да панинакам причиталась, забрали.

А большому хану Куркурэ он сам пожалуется, дескать, за-

брали хузары наше золото! И пусть храбрый хан от обиды наедет на хузар! Пусть задерутся – а Киев тем временем еще кусочек сурожского берега под себя возьмет. И ромеи пусть с печенегами решают, кто дань схитил. А русы что? Русам обещано? Обещано. Значит, собери снова – и отдай. А не то придут и сами возьмут!

От этих приятных мыслей всадник пришел в хорошее настроение и произнес уже не так мрачно:

– Передай Скарпи, я иду к тракту. А он пусть ищет. Не найдет – головой ответит за потерянное богатство. Отправляйся!

Гридню подали свежих коней, и он ускакал.

«Ничего! Скарпи найдет! Он золота не упустит, не та порода. Такое богатство! Да и делить ее придется только с малой дружиной. А Волку⁸ вообще шиш!»— Он злорадно ухмыльнулся, вспомнив, сколько пришлось отдать печенегам из прошлогоднего ромейского выкупа.

Ухмыльнулся и тут же помрачнел, вспомнив, и эта дань ромейская пока что не у него в руках, а неизвестно где. А как хорошо все было задумано! Да и сделано хорошо. Кто ж знал, что у диких хузар достанет ума, чтобы угадать, какую судьбу им назначили русы?

⁸ Куркутэ по-печенежски – волк.

Глава десятая

Соляной тракт

Утром варяги свершили погребальный обряд: перерезали глотки пленникам, подожгли плоты и оттолкнули от берега. Рассвет – хорошее время для такого дела: умершие не собьются с дороги, притянет их не луна синяя, а Хорс-Солнышко.

Бледный, почти невидимый огонь, серый прозрачный дым... Некоторые видели, как на призрачных крылатых конях улетают в Ирий души героев.

Духарев призраков не видел, да и не высматривал особо. Не до того. Мучило Серегу дурное предчувствие. Нервность нездоровая. Когда за каждой полынной метелкой мерещится соглядатай, а за каждым пригорком – вражья конница. И еще в спину как будто кто-то пялится: так и хочется оглянуться. А ведь это не чащоба – степь. Простор от горизонта до горизонта. А давит так, словно в каменном мешке сидишь. Хотелось рвануть галопом: бежать, бежать, пока не поздно...

Но ехали они теперь медленно. Из раненых только Мисюрок смог сесть на коня. Остальным пришлось мастерить носилки – кожаные гамаки на жердях, уложенных на лошадиные спины. Кони с таким грузом могли идти только шагом.

Подобранный Серегой чужак за ночь отлежался, встал.

Духарев распорядился выдать ему лошадь и трофейную печенежскую одежду. Оружия не давать. Мало что у чужака на уме?

Одежку чужак сразу надевать не стал: выполоскал в речке. И сам умылся. Чистоплотный. От завтрака отказался, немедленно вызвав подозрение Устаха. У многих народов так: с врагом вместе не едят. А с кем поел – того убивать нельзя. Боги не одобряют. Велено было Шуйке за чужаком приглядывать. И если что – не церемониться. Чужак, впрочем, повода для подозрений больше не давал. Тащился в хвосте, дремал, уронив поводья. Надо бы его потрясти: кто, откуда, как попал в плен? Принцип «враг твоего врага – твой друг» в степи не срабатывал. Тут все – против всех. И только твой клинок – за тебя.

Километров через двадцать речушка свернула к северу, варяги перешли ее вброд, и опять потянулся однообразный степной пейзаж: пологие холмы, прикрытые травами.

Миновали стадо могучих степных туров. Длиннорогие быки с горбатыми холками подняли головы и проводили всадников недоверчивыми взглядами.

– Э-эх! – громко вздохнул Понятко. – Какая охота!

Духарев слышал, что степные туры еще сильнее лесных, чью мощь он уже испробовал на собственных ребрах, но за все это время ему так ни разу и не пришлось поохотиться на степных быков.

– Ай да сокол молодой
Над горой летал.
Ай да белу лебедицу
Молодой искал.
Стал он с горки да на горушку
Перелетывать,
Да звал лебедушку-красуню
В муравушке поиграть...

– затынул Понятко.

У парня был звонкий и ясный голос. Ежели так случится, что в бою покалечат, может, гусяром станет. Певун с таким голосом на княжьем пиру – желанный гость. Тем более варяг...

Солнце припекало, снизу поднимался густой запах трав. Не зря поляне этот месяц травнем зовут. Варяги-северяне снимали доспехи и стеганные подкольчужники, оставшись кто в белой льняной рубахе, кто вообще без ничего. Рассудили: ежели что – дозорные упредят. Машег (Рахуг был в передовом дозоре) поглядел на разоблачившихся с усмешкой, процедил что-то обидное. Для него градусов тридцать – это еще не жара, а так, тепленько.

Духарев тоже броню снимать не стал. С одной стороны, пример выдержки для подчиненных, с другой – все то же неясное беспокойство.

Ехал, слушал, как весельчак Понятко беседует с Машегом. О женщинах. Вернее, о том, как это печально, когда их

нет. И чем их, в принципе, можно заменить. Вот те же печенеги, к примеру, они вместо баб...

Понятко, у которого всегда имелась наготове соответствующая история, рассказал, как его дальний родич был в полоне у печенегов-гилеев. Вот позвал однажды родича хан и сказал, что у его, хана, наложницы родился сын. И у сына того глаза сини. А сини глаза во всей округе только у Поняткова родича. Посему, выходит, согрешил славянин с хановой наложницей, и за то выходит ему, славянину, наказание: бить сильно, а мужские достоинства отрезать напрочь.

Родич Понятки, естественно, огорчился и задумался. А подумав, сообразил и сказал вот что: не у тебя ли, хан, в табуне родился недавно жеребенок с черной гривой?

– Было дело, – согласился хан.

– А ведь у кобыл твоих и жеребцов, у всех гривы желтые да сивые! – показал удивление родич. – Как же так?

Хан подумал немного, погладил черную бородку и молвил:

– Добро. О сыне моем боле говорить не будем. Но и ты гляди: о жеребенке никому ни слова!

Машег посмеялся вежливо, а потом сказал, что у них похожую байку рассказывают про славянского тиуна и ромея. Только там не кобыла, а коза была.

Внезапно один из дозорных, достигнув очередного взгорка, резво повернул назад. Воины встрепнулись было, но увидели, что дозорный, это был Сирка Чекан из Устахова де-

сятка, машет пустыми руками: опасности нет.

– Ну что? – спросил Устах, когда дозорный подлетел к нему и осадил потного жеребца.

Сирка Чекан, рыжий, весь в веснушках, прибился прошлой весной. Никто в дружине его не знал, но кто и откуда – не спрашивали. Видно, что варяг, видно, что жизнью бит. Бит, да не сломан, так что к делу годится.

– Ну что?

– Дорога там, – шепелявя из-за дефицита передних зубов, сообщил дозорный.

– Соляной тракт, – сказал Машег, подъезжая к старшим.

– Куда ведет?

– К Сурожу.

– К городу?

Хузарин мотнул головой.

– К лиману, к варницам. Но к городу отвороток есть. Городок старинный, небольшой.

– Чей он? Как называется? – спросил Духарев.

– Называется Таган. По-нашему. Раньше наш городок был.

– А теперь?

– А теперь – не знаю. Его хакан Олег под себя взял и с нами договорился, чтоб соль брать по малой цене, сколько надо. А кому сейчас дань платят – не знаю. Придем – спросим.

– А печенег там есть, как думаешь?

– Может, и есть, – ответил Машег. – Это не беда. В Саркеле

тоже печенег есть. Наемные. И угры.

– Значит, по тракту пойдём? – спросил Сергей.

– Лучше – по тракту, – ответил Машег. – На тракте спокойней.

– Почему? – Духарев эту часть Дикого Поля знал слабо. В прошлый сезон они один раз ходили от Орла⁹ по Донцу почти что до упомянутого Машегом хазарского города Саркела, но обратно возвращались тем же путем и к Днепру шли не напрямик, а вдоль северских земель, высматривая для Свенельда места, где удобно ладить укрепленные городки.

– На тракте меньше грабят.

– Да ну? – Духарев скептически поднял бровь.

– Вдоль тракта истуканы языческие издревле поставлены. Кто степных богов боится, – Машег сплюнул, – тот на тракте лютовать не будет. Ну, может, возьмет немножко.

– Печенег – тоже их боятся?

– Не знаю. У них свои демоны. – Хузарин снова сплюнул, затем добавил после паузы: – Ране этот тракт наши дозоры стерегли. Их-то поболее стереглись, чем кумиров деревянных.

Машег уже несколько лет служил Свенельду, поскольку был воином из рода воинов, в ...надцатом поколении, и не воевать не мог. Хузарский же хакан Йосып своих воинов не жаловал. Предпочитал по-ромейски нанимать за золото чужеземцев, которым доверял больше. Машег служил Све-

⁹ Приток Днепра.

нелду, оваряжился, но всё равно считал себя именно хузарином и никак не мог привыкнуть к тому, что княжья русь и печенеги так потеснили его народ. А ведь совсем недавно Хузарский хаканат держал под собой и всю землю от Волги до берегов Греческого моря, и Сурожское море, и Степь – до самого Днепра. И те же поляне безропотно платили им дань... Потом с востока пришел хан Бече¹⁰, с запада – варяги...

– Поедем трактом, – подумав, решил Духарев.

– Машег, – через некоторое время спросил хузарина Понятко, – а печенеги – они каким богам кланяются?

– Те, что там, – Машег махнул рукой, – в Аллу верят. И в Мохаммеда-пророка. Хоть ложно верят, так хоть в Бога истинного. А те, что у нас, у тех вера черная, в демонов. – Машег скривился и сделал отвращающий жест. – Они своих демонов человечесьей кровью кормят¹¹.

Понятко кивнул. Одобрительно кивнул, поскольку, как

¹⁰ О происхождении слова «печенег» у историков нет единого мнения. Византийцы называли их пацинаками и пацинакитами. Арабы использовали слово «баджнак». Версия происхождения слова «печенег» (беченег) от имени легендарного вождя Вече представляется вполне вероятной. Есть достаточно примеров, когда степной род получал имя по имени своего первого вождя. Вернее, первого вождя правящего рода, потому что, строго говоря, печенеги были не единым родом, а скорее объединением племен тюркского происхождения. Возможно, не только тюрков, угров и других.

¹¹ Некоторые данные свидетельствуют, что печенеги-язычники исповедовали не обычный в те времена анимистический культ, а некий вариант «экспортированной» из Тибета черной религии «бон».

любой варяг, покровителем считал Перуна, а Перун кровушку человеческую тоже очень одобряет.

Хузарин скривился еще больше, поглядел на Духарева, словно ища поддержки, но Сергей о специфике печенежской веры понятия не имел, что же касается жертвоприношений, то тех же пленных так и так прирезать пришлось бы. И если при этом кто-то хочет возглашать: «Тебе, Перун, воин Небесный», – то пусть возглашает. Хотя если Перун действительно воин, а не мясник, то ему должны быть больше по вкусу битвы, а не казни.

Не дождавшись поддержки, Машег махнул рукой, пихнул коня пятками и умчался.

**Глава одиннадцатая,
особая, в которой повествуется
о том, как Духарев с
Устахом прошлой осенью
славно потрудились в княжестве
Черниговском, и еще кое о
чем весьма замечательном**

На дороге пустили коней рысью. По голой земле идти легче, чем по разнотравью. Сменили сторожевые разъезды. Духарев верхом на заводной, прихватив Пепла, сам поехал в дозор. Обогнав отряд шагов на семьсот, оглянулся. Издали казалось – варягов много. Над дорогой поднималось густое желтое облако пыли. Такое заметно издали – это минус. Зато за пылью сразу не разглядишь, что лишь на десятке лошадей – наездники.

Сергей потянулся к фляжке, промочил горло. Встряхнул, определяя, сколько осталось. Когда он выезжал из Киева, в серебряной, обернутой толстым войлоком фляжке плескалось разбавленное водой белое хузарское вино. Убыль вина пополнялась из увесистого поначалу бурдюка, но с каждой неделей воды во фляжке становилось все больше, а вина –

все меньше. Из-под копыт порскнула стайка перепелов. Лошадь под Духаревым шарахнулась.

– Тих-хо! – прикрикнул Сергей и движением колен вернул лошадку на прежний маршрут.

Он уже далеко обогнал своих. Ветер дул в лицо, относя за спину запахи и звуки, оставляя только стрекот насекомых, вдвоенный стук копыт и душный аромат зацветающей степи. По белесому небу ползли редкие прозрачные облака. Дикая Степь.

«А я ведь уже три года здесь», – подумал Сергей.

Прошлое, вернее, будущее: двадцатый век, телевизоры, компьютеры и «мерседесы» с «боингами» – где это все? Нет, Серега не жалел. Наоборот, теперь ему казалось, что до того, как попасть сюда, он и не жил по-настоящему, так, плыл в сонном тумане, жевал безвкусные котлетки, потраховал вялых и синеватых, как мороженые куры, потаскушек...

Серега посмотрел на свои загорелые руки, исчерченные светлыми полосками шрамов, потрепал лошадь по жесткой гриве. Взревновавший Пепел тут же пихнулся мордой: а меня? Духарев приласкал и его, поглядел на ладони. Да, эти ладони мало годились для ласки. Оружие и – особенно – тяжелое весло накатали на них такие бугры мозолей, что ими гвозди можно забивать вместо молотка. Настоящие рабочие руки, хм... работника ножа и топора. Вернее, меча и рогатины, поскольку топору Духарев безусловно предпочитал прямой клинок, а нож... Ну, нож – это не оружие, по местным

понятиям, так, сало стругать.

Пепел, не отставая, опять сунулся мягкими губами, уложил тяжелую башку на шею Серегинной лошади. Та тихонько заржала. Решила, видно, что жеребец к ней подбивает клинья.

Сереге вспомнил, как он горевал, потеряв коня в давней сече у Хортицы. И как чудом отыскал его той же осенью. А еще говорят всякие придурки, что Бога нет!

* * *

Той осенью Сереге с Устахом заехали в Чернигов. Собственно, путь их лежал мимо Чернигова в Любеч. В Любече друзей ждала торговая лодья. С ее хозяином, добрым приятелем Духарева, купцом Гораздом, было еще по весне сговорено, что возьмет он обоих варягов на обратном пути. А чего ж не взять? Заморский товар – легкий: шелка – не мука. А две пары варяжских рук будут очень кстати и на воде, и на волоках.

От Переяславля до Любеча – рукой подать. Даже осенью верхами за несколько дней дойти можно. Но Духарев с Устахом не торопились. Был у них, перед отъездом, доверительный разговор с самим Свенельдом. И тайное поручение.

«Я, – сказал Свенельд, – даю это дело вам, а не своим дружинным, потому как родичей у вас в наших краях нет и своих интересов тоже. А люди вы опытные. Хочу я, чтоб ехали

вы в Любеч непременно через город Чернигов, а в Чернигове погостили бы денек-другой да и пригляделись к делам тамошним. Может, увидите что... занятное».

Тут воевода сделал многозначительную паузу. Не любивший недомолвок Устах тут же спросил напрямик:

– И что ж нам в Чернигове искать, княже?

– А не знаю! – ответил Свенельд с той же подкупающей прямоотой.

Слывший на киевской Горе опытным и изворотливым политиком воевода со своими гриднями не хитрил никогда. За то и любила его дружина. И еще за ум, щедрость и личную храбрость. Ну, и за удачливость, конечно.

– С Рунольтом черниговским мы не в дружбе и не в ссоре, – продолжал победитель уличей. – И господин его не я, а великий князь киевский...

Тут воевода слегка склонил голову, как бы признавая старшинство Игоря. Слишком многие открыто ставили на воеводу – против князя киевского. Особенно после того, как Свенельд, отговорившись местными проблемами, отказался идти с Игорем на Царьград. И Игорь в отместку даже не включил его имя в договор, заключенный с императором ромеев. Ближники Игоря открыто подзуживали князя. И богатая Гора тоже исподволь пыталась натравить великого князя на удачливого воеводу, получившего в удел древлянские и примученные уличские земли. Но открыто порицать Свенельда Гора не осмеливалась. Кое-кто из больших киевских

бояр был в крепкой дружбе с воеводой. И еще сторону Свенельда держала сама великая княгиня. А Ольгу на Горе уважали. Поэтому до открытой вражды дело не дошло, а Свенельд постоянно подчеркивал, что не ставит себя вровень с великим князем и остается по-прежнему воеводой киевским. Правда, данью уличской и древлянской делиться не собирался и не скрывал, что намерен по возможности расширять собственный удел. Ведь именно на таких условиях варяжский воевода принял службу у великого князя.

Но на черниговские земли уличский покоритель никогда не претендовал. Так в чем же дело?

Воевода объяснил, в чем.

– Больно много этим летом через мои земли из Чернигова полна прошло, братья-варяги,– сказал он.

Устах с Серегой удивленно переглянулись. Эка невидаль – полон! Нормальный предмет экспорта. В здешнем мире, где постоянно кто-то на кого-то нападает. Обычное дело при таком великом князе. А где война, там и пленники. Рабы на продажу. В иные «урожайные» на брань годы за раба три ногаты дают. Как за овцу.

– Ну-ну,– угадал их мысли воевода.– Все не так просто. Кабы то весь была, чудь да всех понемножку – тогда я б не удивился. А то ведь древляне, да поляне, да сиверяне, да радимичи. Да половина – девки молодые, и не военная добыча, а челядинки.

– Ну и что? – пожал плечами Устах.– Ну продают смерды

дочерей. Обычное дело.

– Обычное, – согласился Свенельд. – В плохие лета. А нынче неурожая не было. Зато жаловались мне недавно: набежали, мол, на село люди оружные. Скотину не тронули, а вот девок шестерых увели.

– Степняки?

– То-то и оно, что нет. Бронь, говорят, почти как у моих гридней.

– Гридни? – Устах презрительно скривил губы. – Из-за шести девок мараться даже нурманы не станут.

– Из-за шести, может, и нет, – воевода прищурился. – А из-за ста шестидесяти? Мои люди купцов, что полон последний везли, аккуратно поспрошали: откуда челядь? Оказалось, почти всех брали в Чернигове на торгу. А сами купцы – киевские. Мои люди вызнали: возят они полон в Степь, да недалеко возят. За лето раз шесть обернулись. Вот и занятно мне: почему это киевские купцы, что ране вели торг с ромеями да булгарами и вместе с Игорем в Царьград гостями хаживали, ныне из Чернигова сиверскими землями в Степь ходят? И откуда та челядь, что они в Чернигове покупают?

– А сами девки что говорят? – ляпнул Духарев.

Устах и воевода изумленно поглядели на него, и Серега прикусил язык. Забыл он особенности местного менталитета. Кого интересуют слова рабыни?

Между тем Серега не раз имел возможность убедиться, что именно эти самые челядинки, особенно из тех, что при-

ближены к власть имущим, являются хранителями ценнейшей информации. В первую очередь потому, что относятся к ним – как к мебели. Но переубедить варягов Духарев не стал. Бесполезно.

– Не может быть, – продолжал между тем Свенельд, – чтобы без войны столько челяди на восход уходило. Зато, слышал я, в черниговских землях разбойнички озоруют. Только что ж это за разбойнички, что на открытом торгу, у дружины на виду, в княжьем городе хищеным торгуют? А?

До Устаха еще не дошло, а Серега уже все понял. Поскольку в прежней жизни, где вроде бы рабства не существовало, с подобным бизнесом имел несчастье столкнуться.

– Мафия, что ли? – поинтересовался он.

Конечно, его не поняли. Пришлось пояснить, что он имеет в виду преступный сговор разбойников как таковых и разбойников из числа представителей власти.

Свенельд поглядел на Серегу с явным одобрением.

– Похоже, – согласился он. – Вот и проведайте, что да как.

Духарев открыл рот, чтобы согласиться, но его перебил Устах.

– А нам-то что за дело до черниговских, княже? – заявил синеусый варяг. – Пусть Рунольт черниговский сам и разбирается.

– А если он всем этим и заправляет? – предположил Духарев.

Устах пожал плечами.

– Он – в своем праве, – твердо сказал варяг. – Кому из черниговских не по нраву, как Рунольт судит, – пускай великому князю челом бьет. А ежели говорят на его гридней, что на чужих землях озоруют, так надо их сперва уличить. Мало ли что смерды болтают! Пусть выйдут да и объявят обиду, как по Правде положено! А без того выходит не Слово, а пусто-слобие. Смерду соврать – что псу лапу задрать! Это что ж, мне из-за каких-то сиверянских девок, смердок, с черниговским князем ссориться?

– Но надо же что-то делать! – возразил другу Духарев. – Ну и что ж, что смерды. Это же наш народ...

– Кто, сиверяне, что ли? Нам, варягам? – ухмыльнулся Устах.

Духарев осекся. Опять он в чужой монастырь – со своим уставом...

Но Свенельд иронию Устаха не поддержал, напротив, поглядел на Духарева с еще большим вниманием и сказал:

– Ты, Устах, как и я, – природный варяг. А Серегей? А сколько тех, кто Перуном клянется, усы синит? То-то! Мы эти земли под себя взяли. Всё, что по эту сторону от степи, – наше. Хоть полянские земли, хоть сиверские, хоть уличские. Наши! И земли. И смерды.

– Не потому ль ты, княже, за уличей три года с уграми воевал? – усмехнулся Устах.

– Потому, – без улыбки ответил Свенельд. – Есть мы – и есть Степь. Что под нас не пойдет – под Степь ляжет. И своих

Степи отдавать никак нельзя.

– Это девок-то? – не унимался Устах. – Да кто их считает?

– Я, – сказал Свенельд. – Девки, варяг, мужчин рожают. И смердов, и воинов. Таких, как ты.

* * *

Князь черниговский Рунольт оказался природным варягом. Старый, постарше Свенельда. Еще с Игорем в первый ромейский поход ходил, когда их на море ромеи огнем пожгли. Видно, был Рунольт некогда воином знатным. Теперь же самым выдающимся у князя было брюхо. С хорошим пивной бочонок.

Звался Рунольт князем, но по сути был не князем, а посадником. Большую часть с полюдья не в свою казну клал, а отправлял в Киев, Игорю.

Приезжих варягов черниговский князь принял ласково. Узнав, что идут они в Любеч, тут же предупредил: на дороге не спокойно. Завелась на проезжем тракте шаечка. Вроде бы из сиверян. Грабят проезжих, девок воруют по селам, продают волжским булгарам.

Выходит, князь в курсе? И непохоже, чтоб сам замешан. Иначе вряд ли стал гостям подобную информацию с ходу сливать. Или стал бы? Специально, чтоб проверить?

Сереге с показным безразличием поинтересовался: откуда сведения? Оказалось – из первых рук. Был, как выясни-

лось, к Рунольту от татей перебежчик: обещался вывести к ватажной схоронке, да не успел. Зарезался. Прямо в Детинце.

По тону чувствовалось, что в версию самоубийства Рунольт не очень-то верит. Разумней предполагать, что перебежчика просто прикончили. Должно быть, был в ватажке у убийцы родич или близкий друг. А то и побратим. Может, тоже из чьих-то гридней. Такое случалось. Уйдет ледащий гридень из одной дружины, а к другой не прибьется. Или не возьмут по дурному характеру. Вот и объявляется в окрестностях разбойничий. Да не из смердов непутевых, а знающие воинское дело и хитрости. И причиняют местной власти изрядную головную боль.

Только непохоже, чтоб у князя черниговского из-за разбойников особенно болела голова. А что до убийцы, то ежику понятно, что это свой, из дружины. Чужого в Детинец не пустили бы. Ну а свой, ясное дело, дороже, чем какой-то тать-перебежчик. Да еще за убийство виру князю киевскому платить. А самоубийство и налогом не облагается, и розыск учинять не надо.

Ситуация, знакомая Духареву еще по прежнему миру. «Покончил жизнь самоубийством, дважды выстрелив себе в затылок». Не анекдот, выдержка из протокола.

Своей заинтересованности в теме Устах и Духарев ничем не выдали. А вдруг посадник простодушен только с виду?

– Мы – не девки селянские, чтоб разбойников шугаться! –

высокомерно заявил Устах.

– Эт-точно! – поддержал Духарев. – Пусть рискнут здоровьем! Наедут – хоть разомнемся.

– Хорошо бы! – с надеждой вздохнул посадник. – А то у меня никак до них руки не дотянутся.

Глядя на князя черниговского, в это легко верилось. Через такой живот не то что до разбойников – до мужских принадлежностей не дотянешься.

Пока посадник неторопливо беседовал с гостями, дело близилось к вечеру. К ужину то есть. Не пригласить к трапезе полоцких варягов – обидеть и их, и славного князя Роговолта. Впрочем, и без этого гостей позвали бы к столу. По обычаю.

Осень – время богатое. Урожай собран, всего в избытке. И дичи, и хлебов мягких, и меда сладкого да пива горького, хмельного – это уж исключительно для Духарева, который так и не сумел полюбить слабую сладковатую медовуху.

Старших дружинников у посадника было девятеро. При чем пятеро – под стать своему батьке, заплыли жиром. Но остальные выглядели вполне воинственно. Два свея, нурман и угр. Верховодил нурман. Его звали Бьярни-Беспалый. Один мизинец у нурмана отсутствовал. Пустяк. Сеча – не игра на рояле. Вполне можно обойтись и без мизинца. Духареву Бьярни сразу не понравился. Взаимно. Но задирачься нурман не стал. Только метал грозные взгляды. Пускай.

Устах уже успел обронить, просто так, к слову, что его друг и есть тот самый варяг Серегей, что зарубил на смоленском рынке сотника Хайнара. От Чернигова до Смоленска – не близко, но молва летит далеко. И редкий рассказчик удержится от того, чтобы приукрасить историю. И выходило в итоге, что герой не просто ловок на мечях рубиться, а голыми руками головы волколюдям отвинчивает. Ни Устах, ни Серега от драки не бегали, но славы драчунов не искали. В отличие от тех же нурманов. А опыт показывал: пара-тройка слов об «убийце ульфхеднаров» в сочетании с богатырским обликом Духарева – и боевой дух задир волшебным образом улетучивается.

Несмотря на малое содержание алкоголя в напитках, накушались прилично. И, конечно, потянуло дружинную братву на веселье. Тотчас, словно по волшебству, появился дедок-гуслиар, а отроков-виночерпиев сменили молодые игривые девки. Дедка, впрочем, выгнали, едва он загундосил о славе покойного князя Олега. Нет, против Олега дружина черниговская ничего не имела, наоборот. Но уж больно у дедка оказался голосок противный.

Угр, под боком у которого опрометчиво разместился дедок, взял гнусавого «барда» за шкирку и на вытянутой руке, как нашкодившего щенка, вынес за порог. Дедок не противился, висел покорно, а отпущенный, тут же встряхнулся и засеменил на кухню подкормиться.

Под столом разодрались собаки. Их пинками выгнали на-

ружу и с большим удовольствием наблюдали грызню. Победитель получил кусок оленины. Проигравший – свиную рульку.

Время от времени Духарев ловил на себе пристальный взгляд Бьярни. Решил: плевать.

Один из свеев, бычара, весь в веснушках, пристал к Духареву: покажи, мол, на мне, как это голыми руками волколюдов убивают?

– А виру за тебя кто платить будет? – осведомился Серега.

– Так я ж не ульфхеднар! – совершенно серьезно возразил свей.– Придурок!

– Ты скорее берсерк¹², – сыронизировал Духарев.

Свей надулся от гордости и некоторое время молчал. Но потом опять начал донимать. Дурак, но упорный.

Наконец Духарев плюнул, вылез из-за стола.

Дружинники сразу оживились. Это вам по собачья драка, это поинтереснее.

– Ну, давай, – сказал Духарев, и свей тут же полез на него грабками. Чисто медвежьи манеры. Устраивать шоу Серега не стал. Влепил пяткой с разворота в веснушчатый свойский нос.

Свей сел на задницу. Потрогал носяру. (Во крепок мужик! Другой воспарил бы птичкой и минуты три лежал в отключке!) Потрогал, поглядел на ладонь: красная. И закрытый перелом со смещением, что тоже легко определяется визуаль-

¹² Берсерк – оборотень-медведь.

но.

– Га! – сказал швед.– Кровь!

Встал, вытянул тесак и полез по новой.

Духарев покосился на князя. Рунольт пьяно лыбился... А Бьярни, жопа нурманская, лыбился совсем не пьяно. Зуб можно дать: свей пристал к Сереге с его подначки. Серегин меч лежал близко, на лавке. С мечом Духарев вмиг вышиб бы ножик у пьяного свей. Однако меч – оружие боевое, в честной драке не разрешенное. Нож – другое дело. И нож у Духарева имелся. Даже два. Но резать дурака не хотелось. И чтоб самому шкуру попортили – тоже не хотелось. Лавкой, что ли, его треснуть? Надо что-то резкое сделать. Такое, чтоб у остальных черниговских братков желание подраться на кулачках напрочь отшибло. Значит, никакого джентльменства!

Духарев ухватил со стола корчагу, замахнулся... Простодушный свей вскинул руку – перехватить... и получил такого пинка по висюлькам, что его синие глаза стали белыми и выпучились не хуже лягушачьих. Нет, правильно говорят, что главное отличие боевого самбо от спортивного в том, что в боевом проведение любого приема начинается с удара по яйцам. Духарев поставил корчагу на стол, без малейших усилий вынул нож из руки противника (не забыл при этом легонько порезаться) и очень бережно усадил свей на лавку. Кликнул ближайшую девицу. Дал задание. Нет, не ублажить свей традиционным образом. В ближайшее время сексуальные игры бедняге противопоказаны. А показано ему сидеть

на кадушке и купать пострадавший орган в холодной водичке. Серега его «утешил»: через пару дней легче будет. А через месяц, глядишь, уже и на бабу можно, если осторожненько. Сам же Духарев демонстративно вытер кровь с поцарапанной ладони и поймал одобрительный взгляд Устаха. Теперь никто не предъявит Сереге претензий за разбитый нос. Он ведь тоже кровь, хм... пролил. Ну что, есть еще желающие испытать на себе антиберсерочью технику и проверить гузном крепость варяжского сапога?

Желающих не было. Даже Бьярни скромно отвел глаза.

Решив разрядить обстановку, Серега сдернул со стены сулицу и перешиб ребром ладони ясеневое древко. Что, в общем-то, было непросто, поскольку вышеупомянутое древко – не какая-нибудь ручка от швабры, ею даже удар меча отвести можно, если умеючи.

Гриди оценили: заорали восторженно. Обстановка разрядилась. Кто-то тут же, как водится, попытался повторить – и ушиб руку. Второй свей, уложив обломок древка между колен, азартно колотил по нему ладонью. Заросшей мозолями ладони ничего не сделалось, а вот на коленях образовались кровоподтеки. Которые свей с гордостью продемонстрировал.

Приняли еще. Голоса стали громче, настроение – лучше. – А чего! – зычно воскликнул князь Рунольт. – А не добыть ли нам завтра кабанчика! На выселках та-акого веprüгу видали!

Предложение имело успех. С полоцких гостей взяли строгое обещание: завтра – вместе на кабанью охоту. Что, лодья в Любече ждет? Подождет пару дней, не утонет.

Гости для виду поотнекивались немного – и согласились. Все срасталось в лучшем виде.

* * *

– Квасу дай, – лениво попросил Духарев.

Девка торопливо скатилась с ложа, черпнула ковшиком. Двумя руками поднесла посудину князьему гостю... И тут же шмыгнула обратно, мужчине под бочок.

Сереге с удовольствием напился холодного квасу и снова улегся, вытянулся поперек кровати, положив голову на теплый девкин живот. Да... Пуховые перины под льняными простынками – это не травка под попоной. А живой женский животик – это вам не седло.

Лихая оказалась девка. С виду тихонькая, скромница. А когда Сереге взялся ее обрабатывать со всей искушенностью начала третьего тысячелетия, постельная подружка визжала и орала, как дюжина завидевших купца печенегов. Духарев же чувствовал себя этаким секс-демоном. Хотя понимал, что среди прочих здешних мужиков выделяется не потому, что немерено крут потрахать, а потому, что никто из здешних, особенно воинов, бабским удовольствием не заморочивается. Бабе полагается радоваться уже от того, что герой бата-

лий соизволил на нее взгромоздиться. Вот женщины, многие, были довольно искусны. Особенно те, кого привозили с востока. Но ценились они только... ценителями. И в стандарт местной красоты не вписывались. Мелки, чернявы, ни косы пшеничной, в руку толщиной, ни сисек четвертьпудовых, ни голоса зычного. Впрочем, теремные девки, вполне соответствующие местным понятиям, тоже дело знали. Собственно, для этого их и держали при гридницах. Надо сказать, что их блядская по сути профессия не считалась позорной. Многих потом и в младшие жены брали. Свой кадр, проверенный.

Умиротворенная девка перебирала пальчиками Серегины желтые кудри и что-то говорила.

Духарев в ее речи не вслушивался, полагая, что обычная болтовня. Пока не уловил случайно «нурман» и «убить». Тут Серега включился, словно поисковая система, «поймавшая» ключевое слово.

– Ну-ка, ну-ка... – проворчал он. – Повтори, еще разок, малышка!

Девка запнулась, перестала перебирать пальчиками... Но тут же протараторила бойко:

– Ой не ездил бы ты, витязь, завтра на охоту-ть!

– Это почему же?

– Я ж и говорю: Бьярка-нурман убить тя задумал.

– Откуда ты это знаешь? – Духарев взял в ладони румяное девкино личико.

– Птичка начирикала!

– Ой, не верти, моя радость! – строго произнес Духарев.– Начала песенку – так заканчивай. Не то я и рассердиться могу.

– Ай я глупая, – искренне запечалилась девка. – Пожалела молодца, а молодец...

– Ша! – оборвал причитания Духарев. – Я тебя разве обидел?

– Н-нет, – не слишком уверенно ответила подружка.

– Так говори, не бойся. Дальше моих ушей не уйдет. Слово варяга!

– Дружка моя слыхала, Бьярка с угром своим говорил, мол, завтра варяги с князем лесовать пойдут. И ладно будет, коли большой варяг с охоты не вернется. Еще сказал, за мертвого варяга кое-кто серебра насыплет – сколь в большой шлем войдет!

– Ишь ты! – удивился Духарев. – Неслабая премия.

– Чёй-то они задумали нехорошее, – наморщив лобик, сделала вывод девка.

– Да уж, – согласился Духарев. – А что это ты, красавица моя, обо мне так заботишься?

– А полюбился ты мне! – дерзко заявила девка. – И вот ей! – она погладила между ног. – А Бьярка... Он злой! И с татями дубравными знается! Вот!

– Ну-ка, ну-ка! – еще больше заинтересовался Духарев. – Уж не этих ли татей серебро за мою голову?

Девка испуганно прижала пальцы к губам.

Перепугалась не на шутку!

Духарев обнял ее, погладил по теплой нежной спинке.

– Не трясись, – проговорил он тихо. – Я ж сказал: дальше меня не уйдет.

– Ага... – обиженно протянула девка. – Вы-т уедете, а нурман меня замучит! Иль степнякам продаст!

– Шутишь?

– Как же! Я первая, что ль?

– Так ты разве не Князева? – удивился Духарев.

– Князева. Только князь, он против Бьярки слова не скажет. Бьярка к нему от Киева приставлен.

– Сколько ты всего знаешь! – похвалил Духарев.

– Да мы ж... Нас же никто... Мы ж вроде вот как эта изложница¹³. От нас тайны не прячут. Только и защитить нас некому-у-у!

Девка всхлипнула.

Сергея обнял ее покрепче.

– Если нурман и впрямь с разбойниками якшается, я его прищучу! – пообещал он. – Никакой киевский князь ему не поможет! А тебя с собой увезу, в Полоцк!

– Наложницей? – оживилась девка.

– Вольной. И денег дам.

– Сколько?

– Три гривны.

¹³ Светильник.

Сумма была немалая, но если выяснится, что девушка действительно спасла его жизнь...

– А почему в наложницы не возьмешь? – девка улыбнулась кокетливо. – Иль я тебе не понравилась?

– Жена не позволит, – честно ответил Духарев. – Ну, договорились?

– Угу. Слушай меня, витязь...

Устах спал. Рядом, свернувшись калачиком, спала блондиночка – светлая головка на широкой Устаховой груди. Запереть дверь на щеколду варяг не потрудился.

Духарев, переступив порог, помедлил немного... И разглядел, как рука Устаха медленно подползает к рукояти меча...

– Спокойно, – сказал Сергей. – Это я.

– А-а-а...

Устах не спросил, чего ради Духарев разбудил его среди ночи. Раз разбудил – значит, есть причина. Спихнул блондиночку, которая так и не проснулась, начал одеваться.

– Пошли ко мне, – сказал Духарев. – Есть новости.

Девка из «нумера» уже испарилась. Как ей и велено.

– Короче, так, – сказал Духарев. – Заправляют тут двое. Вожак разбойный и Бьярни. Один – тут, другой – в лесу, но и сюда наведываться не стесняется. Сам – из гридней. Не черниговский, но со здешними – накоротке.

– Откуда узнал?

– Оперативная информация.

– Чего-о?!

– Девка поведала.

– А-а-а...– Устах расслабился, на глазах теряя интерес.–

Поверил девке!

– Поверил. И ты согласишься.

Надо, блин, ломать замшелые стереотипы.

– Брось,– лениво сказал Устах.– Обидел нурман девку, она и соврала. Слыхала, что мы с ними – на мечях, вот и наплела всякого.

– Наплела, значит? А не хочешь ли ты узнать, как зовут главного разбойничка?

– Ну?

– Свейни!

– И что с того?

– А ты припомни Смоленск. Как того десятника звали, нурмана, приятеля Хайнарова, с которым ты бился?

– Свейни,– ответил Устах.– Ну и что? Я тебе еще троих Свейни могу назвать. И все, заметь, нурманы¹⁴!

– Допустим,– Духарев ухмыльнулся.– Но, как я уже сказал, этот Свейни имеет наглость лично заявляться в здешний Детинец.

¹⁴ Игра слов: нурман – норвежец, свейн – швед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.